

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
Филологический факультет
Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПУНКТУАЦИЯ

Учебно-методическое пособие

Тирасполь
*Издательство
Приднестровского
Университета*

2018

УДК [811.161.1:003.086] (075.8)

ББК Ш 141.2 – 67я73

А43

Составитель

Ж.Д. Беляева – ст. преп.

Рецензенты:

Н.В. Кривошапова – канд. филол. наук доц. каф. русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко, и.о. декана филологического факультета

О.В. Еремеева – канд. пед. наук доц., зав. каф. романо-германской филологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Активные процессы в современном русском языке. Пунктуация: Учебно-методическое пособие / Сост. Ж.Д. Беляева – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 100 с. – (электронное издание)

Рассматриваются динамические процессы в русском языке новейшего периода, вопросы нормирования, языковой вариантности в ее отношении к литературной норме. Особое внимание уделено средствам массовой информации как наиболее очевидному источнику изменений в словарном составе русского языка, а также интернет-дискурсу. Издание включает контрольные вопросы, систему заданий творческого и проблемного характера, направленных на усвоение и закрепление теории, а также хрестоматийные материалы и предназначено как для аудиторных занятий, так и для самостоятельной работы студентов.

Адресовано студентам филологического факультета, получающим образование по направлению «Лингвистика», преподавателям и учителям, студентам-филологам, а также всем, кто интересуется нынешним состоянием русского языка, проблемами его функционирования и развития.

УДК [811.161.1:003.086] (075.8)

ББК Ш 141.2 – 67я73

Рекомендовано Научно-методическим советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

© Беляева Ж.Д., 2018

Учебное издание

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПУНКТУАЦИЯ
Учебно-методическое пособие

Составитель

Беляева Жанна Дмитриевна

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60х90/16. Уч.-изд. л. 6,25.

Размещено на образовательном портале moodle.spsu.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дисциплина «Активные процессы в современном русском языке», сравнительно недавно введённая в государственный образовательный стандарт по направлению «Лингвистика», является важной составляющей в комплексе смежных лингвистических дисциплин: «Основы языкознания» и «Русский язык и культура речи». Особенность дисциплины определяется тем, что она призвана объяснить, что происходит с языком, какие в нём действуют процессы, какие тенденции намечились, какие проблемы актуальны. Несмотря на опубликованные уже пособия и монографии, в которых были систематизированы многие активные процессы, происходящие в современном русском языке, дисциплина требует постоянного обновления, усовершенствования и сопровождения теоретических данных новым материалом.

Основной целью дисциплины «Активные процессы в современном русском языке» является знакомство студентов с важными закономерностями современного русского языка. Как писала Н.С. Валгина, «частные оценки языковых фактов и соответствующие им рекомендации могут помочь разобраться в сложном «языковом хозяйстве» нашего времени и, возможно, повлиять на воспитание чувства языка» [8: с. 6]. Добавила бы еще: повлиять на формирование умения работать с научными текстами и различными источниками информации и, безусловно, представлять проанализированный и обработанный материал.

Материал для аудиторных занятий и самостоятельной работы включает все основные аспекты раздела, посвящённого изменениям на пунктуационном уровне современного русского языка, в соответствии с действующей программой.

Хрестоматийная часть будет полезна при выполнении упражнений и заданий и, конечно, поможет увидеть более объёмно и рельефно те новшества, которые появляются на пунктуационном уровне языка новейшего периода.

Часть I

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ПУНКТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Пунктуация, как отмечают многие исследователи, – особая подсистема в составе письменного языка. Пунктуационные знаки формируют особое подмножество алфавита, которое отличается как от букв, так и от других знаков, прежде всего, идеографического характера (цифр, математических символов и т. д.). Это отличие заключается прежде всего в функциональной нагрузке, которая в современной науке понимается как организация письменного текста. При этом пунктуация отличается от алфавитных и других внеалфавитных знаков, формирующих графику языка, тем, что выполняет собственно организующую функцию, а не репрезентирует некоторые дискретные объекты, то есть звуки (как в случае со знаками алфавита) или понятия (как в случае с идеографическими графемами вроде цифр и некоторых других знаков).

С одной стороны, пунктуация является частью графической системы языка и должна быть вместе с другими алфавитными (буквы) и неалфавитными (идеографические знаки) знаками противопоставлена собственно изобразительным (иконическим) элементам, входящим в состав креолизованных текстов, на основании соотносительности с системой языка. Поэтому, наверное, отнесение пунктуации к параграфемике или метаграфемике необоснованно: пунктуационные знаки являются неотъемлемой частью любого письменного сообщения, строго кодифицированы и не имеют самостоятельного существования вне письменного текста (или, по крайней мере, такое самостоятельное существование развивается у них как вторичное явление).

С другой стороны, в пунктуации неправомерно видеть прямой аналог интонации устной речи, поскольку пунктуация имеет собственную логику развития. Это особая подсистема письменной речи, (относительно) автономная по отношению к интонации. Пунктуационное оформление художественного текста, наряду с другими его свойствами (стилистическими, синтаксическими, содержательными, композиционными), способно выражать эстетические установки ху-

дожественного течения и более широких культурно-эстетических образований (парадигм культуры). Существующее в обыденном языковом сознании и некоторых научных работах убеждение, что пунктуация репрезентирует интонацию, обусловлено тем фактом, что интонация и пунктуация являются организующими средствами для устной и письменной речи соответственно, то есть выполняют аналогичные функции в разных подсистемах языка. Пунктуация так же, как интонация, зависит от грамматической, смысловой и прагматической структуры речи, причем для передачи этих аспектов высказывания в пунктуации вырабатываются средства, далеко не всегда параллельные интонационным. Именно в силу этого между интонацией и пунктуацией нельзя ставить знака равенства или полагать, что пунктуация лишь репрезентирует интонацию. В действительности мы имеем дело с двумя особыми и относительно самостоятельными системами, которые пересекаются лишь отчасти, в силу выполнения аналогичных функций, и развиваются в значительной степени независимо друг от друга.

Кроме того пунктуация способна выступать в качестве самостоятельного фактора формирования синтаксического расчленения и синтаксического слияния в тексте, а также может дополнять другие, то есть синтаксические и грамматические средства. Синтаксическое расчленение, формируемое исключительно синтаксическими средствами, может либо не получать пунктуационного оформления, либо оформляться пунктуационно, причем в последнем случае пунктуация играет вторичную роль, лишь оформляя результат синтаксической трансформации нейтрального высказывания.

В текстах русского языка новейшего периода, по мнению исследователей, встречается целый ряд нарушений пунктуационной нормы, что в обобщенном виде можно представить следующим образом: 1) реализации корреляции «знак – отсутствие знака», 2) реализации корреляции «более сильный знак – более слабый знак», 3) замена одного знака другим и 4) необычные, недопустимые сочетания знаков.

Употребление знака в позиции, где он не является необходимым, использование более сильного знака вместо более слабого, замена одного знака другим, а также недопустимые с точки зрения пунктуационной нормы и сложившегося письменного узуса сочетания знаков препинания представляют собой проявления тенденции к синтаксическому расчленению. Отсутствие знака в позиции, где знак необходим, и использование более слабого знака на месте более сильного проявляют в пунктуационном плане тенденцию к синтаксическому слиянию.

Эффектом подобных девиаций, особенно если они носят систематический характер, является перераспределение, обобщение или размывание функциональности знаков препинания, что правомерно осмыслить как изменение их значимости, то есть функциональной нагрузки в рамках системы.

Современная теория пунктуации основывается на признании текстообразующего потенциала знаков препинания, что означает признание их значимого участия в организации не только внешней, но и внутренней (смысловой) структуры текста, важности для интерпретации текста читающим. В последнее время отмечается усложнение характера функционирования знаков препинания в современном текстовом пространстве, наделение их большей коммуникативной силой, следствием чего становится распространение случаев нестандартного употребления знаков препинания, выходящего за рамки пунктуационного регламента. Появление случаев нерегламентированного употребления знаков препинания обусловлено динамикой развития пунктуационной системы, а также изменением среды, в которой она функционирует: развитием письменного языка, появлением текстов сложной стилиевой и семиотической природы, накладывающих свой отпечаток на функционирование пунктуационных знаков. К таким текстам относятся, например, и современные рекламные тексты, анализ пунктуационного своеобразия которых может способствовать лучшему пониманию общей картины современной русской пунктуации и дополнению её за счёт выявления оригинальных, не свойственных другим текстам способов употребления знаков препинания.

Современные исследователи-лингвисты рассматривают разные аспекты пунктуации русского языка новейшего периода.

Например, Н.В. Юдина часть своих работ [23, 24: 122–124] посвятила изучению и описанию некоторых активных процессов, происходящих в сфере пунктуации русского языка XXI века. Среди наиболее характерных тенденций она отмечает расхождение между кодифицированными рекомендациями правил и письменной практикой; стремление современной языковой личности к активной лингвокреативной деятельности, связанной с использованием экспрессивных возможностей пунктуации для привлечения внимания читающих и пишущих, а также намеренное нарушение пунктуационной нормы, вызванное либо низким уровнем владения письменной коммуникацией, либо пренебрежением к существующим правилам, либо стремлением к лингвистической самоидентификации. Тенденции в динамике русской пунктуации рассматриваются исследователем как активный сегмент общих процессов, происходящих в сфере русского языка и

русской речи. Н.В. Юдина говорит о необходимости пристального внимания и возможного пересмотра существующих пунктуационных норм с целью налаживания адекватного, конструктивного, соответствующего «вызовам времени» диалога между современной языковой личностью и нормативными «законами» русского языка XXI века.

Е.Г. Басалаева, О.А. Ружа, М.В. Шпильман попытались рассмотреть русскую пунктуацию «сквозь призму наивного сознания» [6] – авторскую рефлексию над пунктуационной составляющей создаваемого (в том числе некодифицированного) интернет-текста. Посредством рассуждений о литературной норме и отступлениях от нее, объяснений пунктуационных привычек и предпочтений носителями языка эксплицируется определенная система правил, свойственная современному наивному правописанию. В круг внимания авторов попало обсуждение правила русского языка о выборе дефиса и тире. Анализ контекстов, содержащих комментарии относительно разницы между тире и дефисом, позволяет сделать вывод, что немаловажными для пишущих оказываются такие факторы, как способность используемого знака влиять на смысл, передавать эмоциональное состояние пишущего, быть элементом самопрезентации, показателем грамотности носителя языка и пр.

Н.Л. Шубина пишет о русской пунктуации как об объекте нормализации [22]. В своей статье она рассматривает проблемы нормализации русской пунктуации, специфику пунктуационной нормы; обосновывается необходимость описания метаграфической нормы.

Е.В. Брусницына обращает внимание на нерегламентированную пунктуацию в аспекте актуальных синтаксических процессов [7] В своей статье на материале текстов центральных и областных газет она рассматривает проблему использования нерегламентированной пунктуации. Представляет и анализирует наиболее частотные типы контекстуально обусловленного употребления тире. Исследователь делает вывод о необходимости систематизации и описания не закрепленных правилами пунктуационных новаций, что поможет и автору, и интерпретатору текста находить оптимальные решения пунктуационных задач.

Е.А. Кузнецова обращается к вопросу о современных тенденциях в русской пунктуации, рассматривая его на примере вариативного использования тире и двоеточия в современном русском языке [16]. В её работе анализируются современные тенденции в русской пунктуации. На основе анализа новейшего языкового материала делается вывод о том, что в современном русском языке прослеживается тенденция к использованию тире на месте двоеточия: в простых предложениях – при постановке знака препинания между обобщающим

словом и следующими за ним однородными членами, в сфере сложного предложения – при постановке знака препинания в бессоюзном сложном предложении.

Е.Н. Широкова в своих работах рассматривает новые тенденции в русской пунктуации на материале массмедийного и художественного дискурсов) и тенденции оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе [19, 20]. На материале художественного и массмедийного дискурсов рассматриваются динамические процессы в области пунктуации, обусловленные клиповым характером мышления современного человека: активизация знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы; изменения в позиции знака при сохранении традиционных функций, а также частные текстовые функции параграфемных знаков. Показывается роль этих знаков в формировании прототипических признаков массмедийных дискурсивных жанров. Описывается участие знаков пунктуации в объединении разрозненной информации в единое текстовое пространство при сохранении смысловой самостоятельности отдельных фрагментов. Также автор анализирует динамические процессы, происходящие в сфере передачи и оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе, и их корреляцию с трансформацией традиционных жанров масс-медиа, в частности интервью. На примере различных дискурсивных жанров в статье исследуется тенденция к активизации знаков пунктуации, находящихся в зоне периферии пунктуационной системы русского языка, – типографских средств членения текста и шрифтовых оппозиций. Кроме того, описываются изменения в употреблении кавычек при оформлении чужой речи и формирующиеся у них новые смысловые функции: указание на изменение речи интервьюируемого с рекламной целью, дистанцированность от чужой речи и некоторые другие. Показывается, что выбор варианта конструкции, передающей чужую речь, определяется интенцией автора и ожидаемым перлокутивным эффектом и, следовательно, может быть рассмотрен в аспекте коммуникативных тактик воздействия на адресата.

«В настоящее время традиционный подход к русской пунктуации является более рациональным для кодификации норм и лингводидактической деятельности, а психолингвистический – для выявления механизмов использования и интерпретации пунктуационных знаков в письменной речи «наивных» носителей языка», – отмечает М.С. Власов в работе «Русская пунктуация с позиций носителей языка: казнить нельзя помиловать?!» [9]. В статье автор дает оценку пунктуационному фактору в разрешении синтаксической неоднозначности на материале результатов эксперимента. Выдвигается предположение о том, что в

ходе анализа неоднозначных конструкций носитель языка перераспределяет синтаксические и семантические связи между элементами предложения в соответствии с собственной пресуппозицией, содержанием и целью высказывания, стилем речи, эмоциональной окрашенностью и в последнюю очередь – с пунктуационным оформлением.

Е.О. Захарова исследует пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста [15] и рассматривает проблему нестандартного, творческого употребления знаков препинания в современном русскоязычном рекламном тексте в целях повышения выразительности и эффективности его восприятия, приводит описание экспрессивных пунктуационных приёмов и приёмов, основанных на взаимодействии пунктуационных и иных графических средств. Также ею рассматриваются пунктуационные явления рекламного текста, не связанные непосредственно с особенностями синтаксического уровня, но обусловленные особенностями параграфемной организации рекламы [14]. Материалом для исследования послужили тексты коммерческой рекламы из центральных и региональных периодических изданий, рекламные листовки, а также баннерная интернет-реклама, собранные за период с 2008 по 2016 г. Результатом исследования является систематизация примеров значимого пунктуационно-графического взаимодействия (пунктуационно-графические приемы), а также описание случаев опущения пунктуационных знаков под влиянием графики.

Статья Л.П. Гашевой и Е.М. Хакимовой [10] посвящена изучению ненормативного употребления кавычек в современной российской прессе и интернет-публикациях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что носители языка допускают ошибки при использовании кавычек как знака осознанного отступления от языкового стандарта, а также при оформлении условных наименований (названия произведений, медицинских препаратов, технических изделий и т. п.). Особое внимание уделяется определению причин динамических процессов в рассматриваемых звеньях пунктуационной системы.

Н.В. Стренева обратила своё внимание на пунктуацию в граффити [18]. В статье рассматриваются особенности пунктуации в граффити. Особое внимание уделяется закономерностям функционирования пунктуационных знаков в граффити, а также взаимодействию знаков препинания в тексте.

Некоторые лингвисты, как известные, так и менее известные, рассуждают о проблемах русской пунктуации русского языка новейшего периода, размещая свои лекции в сети интернет. Так, на наш взгляд, интересна лекция С.В. Друговейко-Должанской, преподавателя фило-

логического факультета СПбГУ, члена Совета по русскому языку при Президенте РФ, члена Орфографической комиссии Российской академии наук, члена Совета по культуре речи при губернаторе Санкт-Петербурге, научного руководителя портала gramma.ru, председателя экспертной комиссии «Тотального диктанта» в Санкт-Петербурге, о «знаках преткновения». Если в области орфографии лишь немногие правила остаются неизвестны или не вполне ясны носителям русского языка, то пунктуация представляет для многих из них неразрешимую загадку: порою кажется, что пишущим известен лишь один знак конца предложения – точка и лишь один знак середины предложения – запятая. О том, как важны скобки, что такое многоятие и сколь велика разница между предложениями «Я вас любил: любовь ещё – быть может» и «Я вас любил: любовь – ещё быть может», а также о многом другом можно узнать из названной видеолекции.

Рекомендуемые источники для подготовки по теме

1. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» / Сост. Н.В. Любезнова. – Саратов: СГСЭУ, 2010. – С. 107–125.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. – С. 239 – 286.
3. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: ТГУ, 2016. – С. 149–155.
4. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? (монография) / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.

Интернет-ресурсы

1. Друговойко-Должанская С. Лекция «Знаки преткновения» // <https://www.youtube.com/watch?v=A88hfNvsVN8>
2. Игорь Ким Апостроф // <https://www.youtube.com/watch?v=b1vL116ZQGY&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf>
3. Ким И. Слэш как знак препинания // https://www.youtube.com/watch?v=b7aCo6KC_do&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf&index=13
4. Кузнецова Н. Двоеточие не сдаёт позиции // https://www.youtube.com/watch?v=_xdT0hDxmUs&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf&index=12

Контрольные вопросы

1. Почему, по-вашему, пунктуация представляет собой особую подсистему в составе письменного языка?
2. Способна ли пунктуация выступать в качестве самостоятельного фактора формирования синтаксического расчленения и синтаксического слияния в тексте?

3. Почему современная теория пунктуации основывается на признании текстообразующего потенциала знаков препинания? В чём это заключается?

4. Экспансия тире – так называется процесс замещения двоеточия тире в современной пунктуации или, по Н.В. Юдиной, «сужение и локализация функций двоеточия в пользу тире». Происходит ли экспансия тире на самом деле?

5. Почему, по вашему мнению, С.В. Друговейко-Должанская назвала знаки препинания «знаками преткновения»? Что Вам известно об этимологии основных терминов пунктуации?

Упражнения и задания

1. Изучите работу Н.В. Юдиной «Русская орфография и пунктуация в XXI веке: „Человек“ и „Закон“» (см. с. 13), напишите план-конспект статьи (той её части, что посвящена пунктуации) и расскажите, какими особенностями характеризуется русская пунктуация в XXI веке, по мнению автора, сколько их?

2. Появление случаев нерегламентированного употребления знаков препинания обусловлено динамикой развития пунктуационной системы, а также изменением среды, в которой она функционирует: развитием письменного языка, появлением текстов сложной стилевой и семиотической природы, накладывающих свой отпечаток на функционирование пунктуационных знаков. Приведите примеры подобных текстов.

3. Всех интернет-пользователей, участвующих в дискуссиях на тему пунктуации, по мнению таких исследователей, как Е.Г.Басалаева, О.А. Ружа, М.В. Шпильман (см. с. 18), можно условно разделить на группы. Выбор той или иной позиции, предопределяет коммуникативное поведение человека и характер обсуждения языковых норм. К какой группе Вы относите себя? Обоснуйте свою точку зрения, подготовив сообщение об этом вопросе.

4. Какую попытку предприняли авторы проекта «Правила русской пунктуации» в 1964, чем они руководствовались? Какие положения легли в основу изменений и уточнений пунктуационных правил? Подготовьте план-конспект статьи Н.Л. Шубиной «Русская пунктуация как объект нормализации» (см. с. 26). Актуальны ли названные положения в настоящее время? Используйте последний вопрос как тезис для выступления. Подготовьте текст, убеждающий в правоте этого тезиса или опровергающий его.

5. Проанализируйте содержание статьи Е.В. Брусницыной (см. с. 38) и представьте тезисный план случаев употребления тире на

месте отсутствия знака, которые автор сформулировала, рассмотрев примеры использования нерегламентированных знаков препинания, взятых из средств массовой информации. Приведите свои примеры на каждый случай, используя, например, Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>

6. Е.А. Кузнецова, проанализировав современный языковой материал, считает, что тенденция к вариативному использованию двоеточия и тире в современном русском языке прослеживается как в сфере простого, так и в сфере сложного предложения (см. с. 46). Назовите эти случаи, оформите план-конспект. Приведите свои примеры. Какие выводы относительно тенденций в современной русской пунктуации? Напишите тезисный план.

7. Согласны ли вы с М.С. Власовым (см. с. 64)? Влияет ли пунктуационное оформление текстов СМС на их понимание, а также текстов, которые вы используете в различных мессенджерах (*Viber, WhatsApp, Telegram, Facebook Messenger, IMO, Skype, Snapchat* и др.)? Проиллюстрируйте на примере своего общения в мессенджерах.

8. Пункто-демотиваторы выполняют важную нормирующую функцию, напоминая интернет-сообществу то или иное правило. Соберите свою «коллекцию» подобных и подготовьте сообщение на тему «Пункто-демотиваторы и обыгрывание типичных пунктуационных ошибок» или «Что является предметами обыгрывания в пункто-демотиваторах?».

9. Какие специфические пунктуационно-графические приёмы повышают эффективность восприятия рекламного текста, по мнению Е.О. Захаровой (см. с. 73)? Поделитесь своим опытом восприятия рекламного текста. Согласны ли вы с автором исследования? Хотели бы дополнить список подобных приёмов? Приведите примеры.

10. Ознакомьтесь с содержанием статьи Л.П. Гашевой и Е.М. Хакимовой (см. с. 82) и выпишите случаи ненормативного употребления кавычек. Подтвердите их примерами, найденными вами в интернет-версиях газет («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и др.), в материалах Национального корпуса русского языка или в других источниках.

11. Прочитайте статью Н.В. Стренивой (см. с. 88) и вспомните, какие современные надписи (граффити) вам известны? Обращали ли вы внимание на знаки препинания в них? Приведите примеры.

12. Подготовьте сообщение на тему: «Новые тенденции в русской пунктуации» (по материалам, представленным в статьях Н.В. Юдиной, Е.А. Кузнецовой, Е.Н. Широковой и др.)

Часть II

ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ СТАТЬИ

Н.В. Юдина,

доктор филологических наук, профессор, директор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: «ЧЕЛОВЕК» И «ЗАКОН»

Согласно справедливому замечанию профессора Н.Д. Голева, тенденции в русской графике, орфографии и пунктуации являются «одним из частных проявлений глобальных тенденций в современной письменной речи, на основании которых невозможно прогнозировать её дальнейшее развитие. Тенденции, складывающиеся в ней, – прообраз будущей системы русского правописания, обнаруживающей сейчас ориентацию на сугубо коммуникативные потребности, и в первую очередь – перлокутивные. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста – их зафиксировать, описать и интерпретировать» [4, с. 13].

Николай Данилович Голев, его ученики и единомышленники внесли значительный вклад в фиксацию, описание и интерпретацию современной письменной русскоязычной коммуникации, о чем свидетельствует ряд оригинальных и актуальных публикаций двух последних десятилетий (см. к примеру [3; 7; 10; 15; 24 и др.]). В юбилейной статье, посвященной 70-летию уважаемого профессора Н. Д. Голева, мы также хотели бы подключиться к обозначенному выше полилогу и внести свой скромный вклад в обсуждение активных процессов, происходящих в сфере орфографии и пунктуации русского языка в XXI веке, в их отношении к лингвокреативной деятельности современного носителя русского языка в плане соблюдения установленных и кодифицированных правил и норм. <...>

Анализируя тенденции в современной русской **пунктуации**, Н.С. Валгина выдвинула тезис о том, что «современная русская пун-

ктуация, как определенный исторический этап в её становлении, представляет собой функциональную систему, с одной стороны, достаточно устойчивую и стабильную, и, с другой стороны, систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы» [2, с. 239]. Отсюда следует, что в целом современная пунктуационная норма соответствует «Правилам русской орфографии и пунктуации» 1956 года, так как в своей основе русская пунктуация достаточно стабильна на протяжении многих десятков лет. Однако в начале XXI века можно выделить некоторые особенности в сфере пунктуации, являющиеся продолжением отражения ряда тенденций в области синтаксиса и речевого поведения носителей современного русского языка.

Обзор существующей лингвистической литературы и самостоятельно собранный языковой материал дают основание выделить следующие особенности русской пунктуации в XXI веке:

1) являясь выразителем тончайших оттенков смысла, интонации, ритма и стиля, пунктуация позволяет современному человеку проявить собственное творческое начало, что часто выражается в **использовании ситуативных и собственно авторских знаков**, которые, с одной стороны, помогают более полно и глубоко передать смысловое и эмоциональное содержание текста, а с другой стороны, такого рода знаки нельзя считать регламентированными;

2) к сожалению, следует признать, что в текстах XXI века довольно часто отмечается **нарушение пунктуационной нормы**, вызванное, как и в случаях с орфографическими ошибками, пренебрежением к пунктуационным правилам и отсутствием квалифицированной корректуры. По замечанию В.Г. Костомарова, «в пунктуации наблюдается еще больший разрыв, нежели в орфографии. Несомненные ошибки здесь исчисляются сотнями» [11, с. 215]. К наиболее часто встречающимся ошибкам В.Г. Костомаров относит постановку знаков препинания между подлежащим и именной частью сказуемого без глагольной связки, оформление постраничных сносок и библиографических ссылок;

3) широко распространенное в современной печати явление парцелляции находит отражение в достаточно часто **необоснованной постановке точки**, основной функцией которой является членение текста на отдельные предложения и указание на конец повествовательного предложения. Пренебрежение к данной функции, необоснованное дробление текста, постановка точки, рвущей предложение, достаточно часто приводят к утрате экспрессивности, разрушают семантическую цельность текста и воспринимаются как ошибки, в то

время как парцелляция является одним из наиболее ярких приемов, используемых в русской литературе XX – XXI веков;

4) в XXI веке происходит постепенное **сужение сферы распространения точки с запятой** и, как следствие, сокращается её использование, вызванное, как минимум, двумя причинами. Во-первых, согласно исследованиям Н.С. Валгиной, точка с запятой, в прошлом чрезвычайно употребительный и многозначный знак, к настоящему времени закрепила свои позиции только в предложениях с очень распространенными однородными членами или сложными предложениями однородного состава (сложноподчиненными или бессоюзными с перечислительными отношениями) [2, с. 250]. Во всех остальных случаях точка с запятой чаще всего заменяется запятой. Во-вторых, обозначенное выше стремление к сжатости, экономности высказывания и вместе с тем к информационной и эмоциональной ёмкости, которые обеспечивает точка – сегодня столь модная – как наиболее удобный знак, не подкрепляется необходимостью использования в особо осложненных контекстах традиционно нормативной точки с запятой;

5) процесс **сужения и локализации функций двоеточия** (более традиционного, строгого и «академического») **в пользу тире**, более свободного, энергичного, экспрессивного и многофункционального, а значит, самого удобного знака, выполняющего структурные, смысловые и экспрессивные функции, связан с процессом **универсализации тире** и его активным распространением;

6) в настоящее время **повышается частотность употребления многоточия** и развитие его новых значений, вызванные эмоциональной наполненностью многоточия как показателя психологического напряжения, маркера большого эмоционального и интеллектуально-го накала, также свойственных языковой личности XXI века;

7) **частотность использования пунктуационных знаков** в XXI веке (расширение использования тире и точек, с одной стороны, и потеря части функций у точки запятой и тире – с другой стороны) влечет за собой **качественные изменения их функций**, вызванные, в первую очередь, необходимостью соответствовать требованиям современного человека (более подробно об активных процессах в сфере русского языка XXI века [см. 27]).

Таким образом, представленный нами языковой материал и некоторые описанные выше активные процессы в сфере современной русской орфографии и пунктуации подтверждают один из тезисов профессора Н.Д. Голева о том, что «важнейшей антиномией в процессе формирования письменной разговорной речи является антиномия коммуникативно-прагматической и культурно-знаковой функции с

перестановкой акцентов в пользу первой. При этом ОРФОграфические нормы по сравнению с пунктуационными оказываются более устойчивыми в обыденном метаязыковом сознании в плане сохранения представлений о культурно-знаковых ценностях единообразного «решения орфограмм» [4, с. 28]. Кроме того, бесспорным, на наш взгляд, является и тот факт, что орфографическая и пунктуационная нормы нуждаются сегодня в пристальном внимании и – отчасти – пересмотре с целью налаживания адекватного, конструктивного, соответствующего «вызовам времени» диалога между современной языковой личностью и нормативными «законами» русского языка XXI века.

В завершение настоящей статьи, посвященной 70-летию доктора филологических наук, профессора Н.Д. Голева и 10-летию юбилею научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», пожелаем глубокоуважаемому Николаю Даниловичу доброго здоровья и новых лингвистических достижений, в том числе и в сфере изучения основных векторов развития письменной коммуникации Новейшего времени.

Литература

1. Букчина Б.З. «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и орфографическая практика // ИАН ОЛЯ, 1974. Т. 33. № 1.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
3. Голев Н.Д. Письменная коммуникация Новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2. С. 5 – 17.
4. Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5(25). С. 12 – 30.
5. Головей В.Д. Об одной нерешённой проблеме русской орфографии // Язык. Человек. Общество: II Международный сборник научных трудов (к 65-летию проф. В.Т. Малыгина) / отв. ред. Н.В. Юдина. СПб.; Владимир, 2010.
6. «Дар веков сберечь...»: русский язык на страницах парламентской газеты / Тюменский государственный университет; Союз журналистов Тюменской области; областная парламентская газета «Тюменские известия» / под ред. О.В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и Ка, 2008.
7. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: материалы конф. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 347 с.
8. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

9. Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка // Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 97 – 214.
10. Киселева О.А. Русская орфография в коммуникативном аспекте (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
12. Кузьмина С.М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Русская словесность. 1995. № 2.
13. Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» // Русистика сегодня. 1996. № 1.
14. Кузьмина С.М. Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 397 – 412.
15. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи. М.: Изд-во URSS, 2011. 251 с.
16. Лопатин В.В. Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5.
17. Лопатин В.В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 172 – 180.
18. Моисеев А.И. О букве Ё // Русский язык за рубежом. 1977. № 1.
19. О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку (Минобрнауки России) от 03 мая 2007 г. № АФ-159/03. Режим доступа: <http://lex-spb.ru/news/?news=13> (дата обращения: 24.02.2016).
20. О характерных нарушениях при оформлении аттестатов об основном и среднем (полном) общем образовании. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30 сентября 2005 г. № 01-387/07-01. Режим доступа: <http://lex-spb.ru/news/?news=13> (дата обращения: 24.02.2016).
21. Пчёллов Е.Д., Чумаков В.Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь // Народное образование. М., 2000. 248 с.
22. Рекомендации Министерства образования и науки РФ от 3 мая 2007 года № АФ-159/03.
23. Суперанская А.В. Вновь о букве ё // Наука и жизнь. 2008. № 1.
24. Тискова О.В. Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы: (на материале интерпретации читающим письменных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
25. Фатеев А. Ё-моё! Как же без Ё? // «Дар веков сберечь...»: русский язык на страницах парламентской газеты / под ред. О.В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и Ка, 2008. С. 73 – 75.
26. Чумаков В.Т. Употребление буквы Ё. М.: Народное образование, 2009.
27. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.

Е.Г. Басалаева,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка
и межкультурной коммуникации Новосибирского гос. пед. ун-та
О.А. Ружа,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
современного русского языка Новосибирского гос. пед. ун-та
М.В. Шпильман,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
современного русского языка Новосибирского гос. пед. ун-та

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАИВНОГО СОЗНАНИЯ

Интенсивное внедрение новых научных парадигм в сферу лингвистических исследований пробуждает интерес к вспомогательным семиотическим (невербальным) системам, участвующим в процессе речевой деятельности коммуникантов [Шубина, 1999, с. 3]. Антропоцентрический характер современного языкознания, по мнению многих исследователей, обуславливает усиление внимания к различным периферийным и маргинальным явлениям, к которым относятся орфография и пунктуация в широком их понимании.

Изучение орфографической и пунктуационной практики, характерной для письменноречевой деятельности конкретного языкового коллектива, дает возможность продвинуться в осмыслении такого сложного феномена, как функциональный аспект русской орфографии и пунктуации, а также позволяет оптимизировать решение проблемы либерализации орфографических и пунктуационных правил [Голев, 2002; Лебедева, 2002; Прияткина, 2007; Гордеева, 2008].

Как пишут исследователи, с одной стороны, языковое сообщество располагает социально осознанной системой кодифицированных норм, с другой стороны, мы обладаем лишь фрагментарными общими знаниями о том, как их реализация варьируется в текстах разной коммуникативной природы [Ярица, 2009].

Функциональный аспект изучения орфографии и пунктуации в целом предполагает выяснение того, как орфографическое и пунктуационное оформление текста соотносится с существующими нормами и как это оформление оценивается автором и адресатом [Жукова, 2002]. В лингвистической литературе наиболее исследованным оказывается вопрос об особенностях интерпретации орфографии и функционирования знаков препинания с позиции воспринимающего сознания ([Шапиро, 1974; Гаврилова, 1980; Наумович, 1983; Кольцова,

2000; Сиротипина, Кормилицына, 2000; Орехова, 2001; Анненкова, 2004; Будниченко, 2004; Сафронова, 2004; Прияткина, 2007] и др.).

Не меньший интерес, на наш взгляд, вызывает авторская рефлексия над орфографической и пунктуационной составляющими создаваемого (в том числе некодифицированного) текста, что в целом еще не было объектом комплексного анализа.

Обращение к языковой рефлексии обусловлено значимостью этого языкового феномена в системе языка и в концептуальной системе [Перфильева, 2006]. Под ним в лингвистической литературе понимается «открытый тип метаязыкового дискурса, единицей которого является метаязыковое высказывание», которое «фокусирует свое внимание на семантически и аксиологически значимых языковых единицах, попадающих в поле метаязыкового сознания» [Вепрева, 2005, с. 14]. Посредством рассуждений о литературной норме и отступлениях от нее, объяснений пунктуационных и орфографических привычек и предпочтений носителями языка эксплицируется определенная система правил, свойственная современному наивному правописанию.

Одной из сфер, где в настоящее время наиболее активно осмысляются происходящие в языке изменения, отмечаются новые, сложные, маркированные, окказиональные и пр. употребления языковых единиц, является интернет-дискурс.

Интернет-коммуникация, «представляя собой сложный, многоаспектный феномен, является не просто сферой потребления информационного продукта и развлечения, но и одним из тех пространств, в которых люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности, знание, что в совокупности предопределяет не только их информационную осведомленность и оценку актуальных событий, но и их повседневную жизнь и картину мира. С помощью масс-медиа индивиды и группы транслируют свое представление о реальности, нормах и проблемах или же создают смыслы и обмениваются ими» [Кожемякин, 2010, с. 13]. Иными словами, интернет-форумы, чаты, сетевые дневники и пр. являются теми площадками, где разворачивается метаязыковая деятельность носителей языка относительно своего или чужого речевого поведения.

Нормы правописания и постановки знаков препинания являются одним из наиболее обсуждаемых вопросов. В связи с этим в настоящей статье рассмотрим случаи рефлексии усредненного носителя русского языка над существующими правилами орфографии и пунктуации. Так как круг обсуждаемых проблем довольно широк, мы ограничимся наблюдениями над обсуждением наиболее частотных из них – выбора

дефиса и тире, а также написания слов со строчной или прописной буквы.

Источником материала для исследования послужили различные интернет-форумы (<http://lingvoforum.net/>, <http://beon.ru>, <http://prizrak.ws>, <https://xaroktet.wordpress.com>, <https://otvet.mail.ru> и др.), живые дневники (<http://pishu-pravilno.livejournal.com> и др.) и т. д.

Всех интернет-пользователей, участвующих в дискуссиях на тему орфографии и пунктуации, можно условно разделить на группы. Первый тип участников признается в том, что вообще не знает / не помнит норм правописания. Эти люди часто оказываются среди задающих вопросы, или это просто случайные визитеры форумов, оставляющие комментарии. Второй тип говорящих мыслит себя экспертом и дает разного рода советы. Третий тип заявляет о своей принципиальной позиции: знание норм русского языка излишне.

Выбор той или иной позиции предопределяет коммуникативное поведение человека и характер обсуждения языковых норм.

Перейдем к анализу группы примеров языковой рефлексии относительно **выбора тире и дефиса**, что позволит выявить представления носителей языка о границах орфографических и пунктуационных норм, а также способность мотивировать свой выбор знака.

Выявленные фрагменты диалогов, представленные в интернет-форумах, на тему постановки тире или дефиса неоднородны, их можно разделить на несколько категорий.

Первая связана с рассуждениями терминологического характера: есть ли разница между дефисом и тире (более продвинутые пользователи добавляют еще и длинное тире).

В качестве аргументов, лежащих в основе разграничения, предлагаются следующие.

- *Графический признак (тире длиннее дефиса): Тире длинная палка, а дефис – маленькая палка...; - дефис, – (это типо 1 сплошная линия) тире; Сейчас каждый уважающий себя веб-дизайнер знает, чем отличается тире от дефиса: и то, и другое – это горизонтальная черточка, однако в первом случае она в три раза длиннее, чем во втором; Разница между дефисом, тире и знаком минус состоит исключительно в их длине.-:)¹.*

В данном случае для ряда носителей языка разница в использовании тире и дефиса заключается исключительно в их графической форме. Содержательный же аспект не принимается во внимание в силу разных причин: преимущественно это незнание или игнорирование

¹ Здесь и далее примеры приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

правил, отсутствие связи между знаком и смысловым содержанием, связанным с использованием знака, и пр.

- «Статусность» знака, его отнесенность к разделу орфографии или пунктуации: *Тире – синтаксическая единица, знак препинания (отделяет самостоятельные слова в предложении). Дефис – орфографическая единица (внутри слова: по-моему, мышка-норушка, еле-еле); люди, вы чего??* О_о.. дефис ставится в самом слове, пример: *ярко-красный, по-моему, что-то и т. п., а тире ставится в предложении, пример: Информатика – это наука, рассматривающая все аспекты представления, обмена, обработки, хранения информации; дЕФИС СТАВИМ, В словаХ, А ТИРЕ – МЕЖДУ частЯМИ сложнОГО пРЕДЛОЖе-ния!!! все ПРОСТО!*

Как показывают примеры, большинство носителей языка имеет верные представления о природе и функции знаков, хотя встречаются рассуждения, частично искажающие существующие нормы (например, тире как знак исключительно сложного предложения).

- Наличие / отсутствие пробелов: *Дефис пробелами с двух сторон не обрамляется. Например, ярко-красное. А перед и после тире нужен пробел. Например, книга – источник; Помогите, пожалуйста. Если предложение такого типа: Книга – источник знаний. Сколько нужно поставить пробелов между словом и знаком?*

Иными словами, в представленных примерах коммуниканты обращаются в большей степени к внешней стороне знаков, их формальным признакам. Можно сделать вывод, что для многих носителей языка именно этот аспект является важным (а в некоторых случаях и единственным) при дифференциации тире и дефиса. Ср.: *И в чём, собственно, смысловая разница? никакой разницы. типографские за-морочки.*

Вторая группа примеров связана с интерпретацией правил использования дефиса и тире. Высказывания интернет-пользователей содержат развернутые рассуждения об условиях выбора знака с опорой на различные источники информации.

Так, в комментарии могут включаться:

а) сведения из нормативных источников (справочников, словарей), самым частотным и авторитетным из которых является справочник Д.Э. Розенталя. Такой тип комментариев отражает установленную норму, кодифицированный вариант написания (нередко с перечислением всех возможных примеров и случаев): *Во всех редакциях, в которых приходилось мне по жизни работать, руководствовались исключительно справочником Розенталя; Ставится тире с отбивками с двух сторон. Дефис невозможен в принципе. – Берем того, кто опирается*

только на русский язык. Розенталь требует тире + не уточняет вопрос отбивок вообще (так что странно, что его выше рекомендуют как показатель написания тире без отбивок). Однако визуально в примерах (включая законы) – тире с отбивками. И это значимая визуальность: рядом в примерах есть и тире без отбивок, для чисел в цифровой форме. Если хотите, я дам вам ссылку на это правило в личку, здесь поставила – комментарий не проходит как подозрительный. -. Берем тех, кто опирается на русский + типографика. Мильчин/Чельцова пишут однозначно: между словами – с отбивками, между цифр – без отбивок. Вывод: все словесные конструкции при употреблении тире пишутся с отбивками. Тире без отбивок употребляется только для цифровых интервалов в точном значении от...до;

б) данные различных интернет-сайтов, интернет-сервисов, а также результаты компьютерной проверки правописания, выполненной в текстовом редакторе типа Word: Есть такая новая «наука» – googlology, по-нашему «гуглология» или «яндексология» ресурсоориентированный – 2755 страниц ресурсо-ориентированный – 964 страницы ресурсно-ориентированный – 9 млн страниц ресурсноориентированный – 121 страница Можно предположить, что правильно будет ресурсно-ориентированный; хочу дать хороший совет: зайти в Word и написать интересные слова если написано с ошибкой программа сразу выделит их красным.

Интересно, что часто авторитетным признается источник, изначально таковым не являющийся. Обращающийся к нему догадывается об этом, но ориентируется при этом на статистические данные, тем самым доверяя самому частотному, но не всегда верному варианту написания. Кодификатором в таком случае становится не специалист, а усредненный носитель языка;

в) собственные представления говорящих об условиях выбора того или иного знака. Данные примеры демонстрируют наивное языковое сознание, сформированные представления о правилах, которые нередко оказываются далекими от нормативных: Тире ставится только между подлежащим и сказуемым в предложениях типа Он – мой брат. ВО всех остальных дефис; Дефис – это палочка, которая ставится перед это. Все остальное тире; Тире длиннее. Знаки отличаются областью применения. Дефис ставится между частями слова. Тире ставится между словами. Классически пример. Дефис. Елки-палки. Тире. Елки – это не палки.

Количество условий для постановки тире или дефиса здесь, как правило, значительно меньше, чем в нормативных источниках, т. е. это «редуцированные» представления, отдельные нормы, распростра-

няемые на все случаи. Как правило, эти представления и есть «сухой остаток» школьного изучения данного правила.

Третья группа представляет особый интерес и связана с метакомментариями говорящего относительно своего социального, интеллектуального и пр. статуса. Как правило, в такого рода примерах коммуникантов менее всего интересуют правила написания тире и дефиса, на первый план выходит самопрезентация: *когда говоришь «дефис», то выглядишь умнее $\neg \neg$; А меня ругали на русском за то, что тире это по детски.*

Как видим, в примерах часто находит отражение стереотип, устанавливающий четкую корреляцию между грамотностью и умом, что может относиться не только к знакам тире и дефиса, но и к соблюдению любых норм в целом. Об этом свидетельствуют примеры, когда рассуждения о дефисе и тире приводят пишущих к выводам о важности быть грамотным вообще: *Если блогер или просто «пишущий в интернет» хочет знаниями блеснуть, себя показать, похвастаться перед любимой девушкой, то наиболее просто это сделать, став знаком орфографии и пунктуации. :-)* И что характерно, сделать это можно не вставая с дивана и совершенно бесплатно!

Четвертая группа примеров содержит случаи языковой рефлексии, в которых говорящий объясняет смысловую разницу между дефисом и тире, указывает на смысловые оттенки.

Так, по ощущениям носителей языка дефису могут приписывать такие признаки, как неопределенность, способность обеспечивать целостность слова в процессе восприятия его звуковой оболочки: *Дефис является как бы частью слова, не отделяется от него ни пробелом при написании, ни паузой в разговоре (когда-либо, кто-то, почему-то) и придает слову оттенок неопределенности; Кроме того, «пробел+дефис+пробел» на подсознательном растягивает слово. Сравните: «как-то» и «как – то». Второй вариант – уже что-то прибалтийское. Не находите? И это прибалтийское возникло только с помощью одной черточки... А если в тексте понадобится подобный нюанс вставить? Люди-то читают в уме! Это уже дизайн слов и текста.*

Тире же, по мнению интернет-пользователей, наоборот, способно растянуть высказывание за счет пауз, замедлить ход восприятия текста и даже передать эмоцию. Интересно, что наделяя тире такими функциями, пишущий связывает длину графического знака и длину интонационной паузы, ср.: *А тире – это уже знак препинания, выделяется в тексте пробелами, а в разговоре подразумевает коротенькую паузу; Название «тире» – с французского слова «тянуть». Тире*

ставится там, где нужно заменить слово с одновременным «растянуть» в этом месте, немного притормозить восприятие, для придания естественности, важности момента, тонкой эмоции. «Ты меня сильно любишь? Я – безумно!». Ну а теперь так прочитайте: «Я - безумно!». Или еще так: «Я-безумно!». Ну как?

Пятая группа связана с эстетической стороной оформления высказывания: Тире и дефис – внешне очень похожие знаки, которые напоминают небольшую горизонтальную черту, но существенно отличаются по употреблению. Очень часто в интернете и даже в печатных изданиях авторы и редакторы не обращают внимания на правильное употребление тире и дефисов. Из-за этого, текст становится некрасиво оформленным, теряется единообразие. Отличие тире от дефиса легко запомнить и применять. Это сделает Ваш текст красивым и что самое главное – более профессиональным и грамотным; Часто из-за эстетических или дизайнерских соображений длинное тире заменяют коротким.

Как видим, говорящим учитывается также и критерий удобства постановки знака. Зачастую это связано с раскладкой клавиатуры компьютера: Эммм... а в чём разница? У меня на стандартной клавише – только этот знак и печатается...; А вот дефис почему-то мало кто замечает. 1) Потому что в печатном тексте это не так заметно 2) При наборе на ПК мало кто использует тире вместо дефиса или, хотя бы, двойной дефис.

Таким образом, анализ контекстов, содержащих комментарии относительно разницы между тире и дефисом, позволяет сделать вывод о том, что для людей, стремящихся различать эти знаки, немаловажными оказываются такие факторы, как способность используемого значка влиять на смысл, передавать эмоциональное состояние пишущего, быть элементом самопрезентации, показателем грамотности носителя языка или же его «свободы» от всяческих норм, кроме того, учитывается эстетический фактор и фактор удобства в постановке знака.

<...>

Анализируя интернет-рефлексии, можно также обратить внимание на оценку говорящим своей позиции, выраженной в глаголе: это может быть форма робкого вопрошания – косвенный вопрос (*слышала, что*), или выражение собственной активной позиции (*я выступаю за...*), или указание на субъективность мнения (*как я это понимаю...*).

Итак, в наивном сознании отражаются своеобразные представления о правилах правописания, которые в целом выходят за рамки нормы. Это вызвано тем, что носители языка

- часто не знают, где искать ответы на свои вопросы, или же не находят ответы в справочниках;
- круг проблем, которые люди обсуждают, гораздо шире: они связаны не только с орфографическими и пунктуационными правилами, но и с техническими возможностями компьютера, с динамическими процессами в языке, влиянием иностранных языков на русский и др.

Литература

Анненкова Е.А. Проблема формализации лингвистических знаний: На материале пунктуации русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 184 с.

Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте: На материале языка газет: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 283 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 384 с.

Гаврилова Е.Н. Функционирование универсальных высказываний в публицистическом тексте (на примере критики) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1980. № 5. С. 16–24.

Голев Н.Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 146–160.

Гордеева О.И. О реализации пунктуационной системы русского языка в некодифицированном тексте // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь проф. Т.А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 333–339.

Жукова А.Г. Ортология в теоретическом и прикладном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 196 с.

Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 13–21.

Кольцова Л.М. Пунктуация художественного текста как уровневая система // Филологические записки. 2000. Вып. 15. С. 201–216.

Лебедева Н.Б. Орфографические типы языковой личности (по материалам эксперимента) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2002. Ч. 1. С. 101–113.

Наумович А.Н. Современная русская пунктуация. Минск: Вышэйш. шк., 1983. 256 с.

Орехова Н.Н. Пунктуационная система языка: формирование, динамика развития: На материале русского и английского языков: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2001. 292 с.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 285 с.

Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.

Сафронова И.П. Эстетические функции пунктуации в поэзии М. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 247 с.

Сирогинина О.Б., Кормилицына М.А. Об актуальности коммуникативного подхода к грамматике // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2000. № 6. С. 17–32.

Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. 2-е изд. М.: Просвещение, 1974. 296 с.

Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. М., 1999. 455 с.

Ярица Л.И. Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах: На материале конспектов студентов томских вузов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 255 с.

Н.Л. Шубина,

доктор филологических наук, профессор
декан филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

РУССКАЯ ПУНКТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ НОРМАЛИЗАЦИИ

«...в нормативной грамматике язык зачастую представляется в окаменелом виде. Это отвечает наивному обывательскому представлению: язык изменялся до нас и будет изменяться в дальнейшем, но сейчас он неизменен»

Л.В. Щерба [12, с. 15]

Любая попытка реформирования норм русского правописания имеет поистине драматический характер. «Многие еще, наверно, помнят, какой общественный бунт открылся в журналах и газетах после опубликования предложений по усовершенствованию русской орфографии в 1964 г. Особенно громкий плач стоял по зайцу, который по проекту должен был писаться как ЗАЕЦ (по аналогии с гвардеец, кореец...)» [4, с. 109].

Знакомство с материалами работы Комиссии по вопросу об упрощении русского правописания [7] свидетельствует о не менее острых дискуссиях в начале XX в. Сформулированные и описанные Я.К. Гротом правила русского правописания (1885 г.) нуждались в существенной корректировке. С предложением упростить русское правописа-

ние выступили Московское, Казанское и Одесское педагогические общества. В состав Комиссии (1902 г.) входили Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртене, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, С.К. Булич, А.И. Соболевский и др. Затем была образована Орфографическая комиссия под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова, работа которой была направлена на реформирование правил написания слов. Реформирование правописания – болезненный вопрос для общества в целом, но особую остроту оно приобретает в профессиональном сообществе. Любопытно, что в 1904 г. было опубликовано письмо академика А.И. Соболевского «Нечто об орфографической реформе», в котором он высказал свое неоднозначное отношение к реформе: «Необходима ли реформа? Думаю, что необходимости в орфографической реформе нет; воплям ленивых учеников и плохих преподавателей не следует придавать большого значения. Но считаю орфографическую реформу желательной. <...> Производя орфографическую реформу, мы должны помнить, что у нас литературный язык – один для всех русских, каким бы наречием, говором они ни говорили, кто бы они ни были: великоруссы, белоруссы или малоруссы; что наша обязанность не выдумывать таких орфографических новшеств, которые могут затруднить для какой бы то ни было части русского народа пользование русской книгой» [6, с. 187–188].

Анализ документов и публикаций, отражающих споры сторонников и противников реформирования русского правописания, свидетельствует о высоком уровне научности обсуждаемых проблем. Многие проблемы, поставленные в начале XX в., актуальны и сейчас. Особо следует подчеркнуть важность вопросов, поставленных в работах А.И. Томсона, А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртене, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы.

Не менее драматический характер имела и попытка подготовить общество к изменению некоторых норм в области правописания и произношения в начале XXI в. (2009 г.), когда Министерство образования и науки РФ официально утвердило список словарей, содержащих новые языковые нормы [6]. «СМИ же, а за ними и большая часть интернет-народа, захлебываясь от негодования, язвительно и беспеллиционно говорили о введении «новых языковых норм», «реформе языка», высказывали разнообразные предположения – порой самые фантастические и нелепые – о том, «кому это было надо» и «до чего мы теперь докатимся», ругали на чем свет стоит Министерство образования, обвиняли лингвистов в желании услужить безграмотным чиновникам, отстаивали «старые правильные», высмеивали «безграмотные

новые» нормы и при этом не особенно заботились о грамотности собственной речи» [5].

Думается, что настало время вернуться к анализу высказанных в ходе дискуссий идей, поскольку русское правописание нуждается в новом осмыслении в связи с изменениями условий функционирования русского языка и развитием лингвистической науки.

Следует признать, что пунктуация (в отличие от орфографии) как объект нормализаторской деятельности не была в числе приоритетных. Это связано с самой природой пунктуации как вспомогательной семиотической системы. До сих пор не утратило актуальность утверждение А.В. Шапиро, который полагал, что «во взглядах на пунктуацию существует принципиальные разногласия, но еще чаще наблюдается непонимание ее существа и даже отдельные предрассудки, к числу которых в первую очередь относится довольно распространенное мнение, будто знаки препинания – индивидуальное дело пишущего, что твердых правил пунктуации якобы нет и не может быть, так как только от личного «усмотрения» пишущего зависит, поставить ли, например, между предложениями точку с запятой или запятую; разделить ли связанные без помощи союзов простые предложения двоеточием или тире, или запятую вместо тире и т. п. А с другой стороны, в некоторых кругах (чаще среди учителей) можно встретить противоположное отношение у пунктуации: многим кажется, что правила пунктуации должны носить такой же абсолютно «стабильный» характер, как и правила орфографии, что при постановке знаков препинания нужно только твердо знать правила и точно применять их» [8, с. 178–179].

Попытка внести изменения в действующие нормы, описанные в практическом руководстве «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956 г.), была предпринята авторами проекта «Правил русской пунктуации» в 1964 г. (С.Г. Бархударов, Е.А. Иванчикова, С.Е. Крючков, И.И. Кулибаба, Л.Ю. Максимов, Д.Э. Розенталь, Л.А. Чешко, А.Б. Шапиро), которые исходили из того, что основным назначением знаков препинания является помощь читателю верно и быстро понять смысловые отношения между компонентами синтаксического целого. Опираясь на описание Л.В. Щербой общих функций знаков препинания русского языка, исследователи выдвинули ряд положений, которые были положены в основу изменений и уточнений пунктуационных правил.

Во-первых, признавалось, что русская пунктуация не нуждается в коренной ломке и перестройке на иных принципиальных основах. *Во-вторых*, не принималось предложение упростить правила русской пунктуации на том основании, что они с трудом усваиваются учащи-

мися, поскольку школа не может и не должна ставить перед собой задачу обучения ученика всем тонкостям пунктуации. В-третьих, выдвигалась задача упорядочения некоторых правил и их целесообразной унификации. В-четвертых, определялась общая стратегия в употреблении знаков препинания, которая зависит от того, намерен ли автор подчеркнуть или выделить тот или иной нюанс мысли или не намерен. В-пятых, предлагалось включать в свод русской пунктуации все случаи употребления знаков препинания, за исключением индивидуально-авторских. В-шестых, выдвигалось требование учета в процессе упрощения, унификации и улучшения правил пунктуации интересов не только читающего, но и пишущего.

Все сформулированные положения не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Анализ материалов, подготовленных в рамках проекта, свидетельствует о наличии в них опережающих решений, основанных на аргументированном лингвистическом прогнозе. Сравнение разных редакций одного и того же текста показало правомерность многих предлагаемых изменений пунктуации как в области простого, так и сложного предложения.

Принято объединять орфографию и пунктуацию в нормализаторском плане. Однако нельзя не признать, что нормы орфографии и нормы пунктуации находятся в разных исследовательских и образовательных плоскостях.

Специфичность пунктуационной нормы заключается в том, что она проходит долгий и сложный путь – от индивидуализированной пунктуации до общепринятой. Формирование указанных норм обусловлено тесным взаимодействием субъективного и объективного в языке и речи. Сам факт спонтанного формирования большинства пунктуационных норм в русском языке обуславливает **рекомендательный характер пунктуационной нормы** (в отличие от орфографической, имеющей обязательный характер).

Пунктуационные нормы, выдержавшие «испытание» в процессе массовой и регулярной воспроизводимости и получившие одобрение и признание в обществе, фиксируются в правилах пунктуации. Разрыв между нормой и ее кодификацией в различных пособиях и справочниках по пунктуации объективно закономерен. Наличие различных колебаний или отступлений в пунктуационной практике можно расценивать как естественный способ существования пунктуационной нормы.

Анализ специфики норм письменного кодифицированного языка, предпринятый Б. С. Шварцкопфом, обнаружил, что схема развития пунктуационной нормы включает в себя нормализационный акт

«установления»; функционирование, т. е. процесс массовой пунктуационной – письменной и печатной – практик; спонтанное развитие тенденций и норм употребления, отклоняющихся от «установленных» правил; кодификацию, в процессе которой лингвист выступает уже не как нормализатор («установитель» в XVIII в.), а именно как кодификатор [10, с. 202].

Специфика пунктуации как объекта нормализации обнаруживается и с точки зрения ее особенностей как области лингвистического знания. Лингвистическая компетенция специалиста-филолога и носителя языка (пользователя) различается не только «количественными и качественными показателями» в овладении теоретическими и практическими сведениями о языке. Специалист-филолог обладает навыками и методами лингвистического анализа, т. е. его профессиональная компетенция связана *со знаниями о языке*, а компетенция пользователя – *со знаниями языка*. С этой точки зрения принято различать ядерные знания и знания, расширяющие лингвистическую эрудицию.

Правописание в целом является областью *ядерных знаний*, которую можно представить как логически обозримую, четко организованную, ориентированную на долговременную память систему наиболее релевантных знаний. По характеру определенности знания правописания можно отнести как к абсолютным, так и относительным знаниям. Отмечено, что *знания абсолютные* отличаются определенностью, однозначностью для всех, безусловностью, категоричностью и представляют собой систему общепризнанных теоретических и научно-практических сведений. Усвоение этих знаний требует, прежде всего, усилий памяти, а применение их в практике лингвистического анализа обнаруживает умение оперировать заученными истинами, а оцениваются такие знания по жесткой шкале *правильно – неправильно*.

Если исходить из предложенной типологии знаний, то знания орфографических норм являются ядерными и абсолютными, что касается знаний пунктуационных норм, то это, как правило, знания неядерные и относительные. Умение интерпретировать современные нормы пунктуации основывается на теоретических и научно-практических сведениях, отличающихся вариативностью и обусловленностью ситуацией коммуникации.

Овладение орфографическими нормами и пунктуационными правилами основано на разных психофизиологических основах. Орфографические нормы предполагают запоминание правила и исключения из правил, а также (в большинстве случаев) написания слов и их форм, а пунктуационные – осмысление типовой ситуации употре-

бления знака. Орфографические навыки свидетельствуют прежде всего о знании языка, а пунктуационные – и о знании о языке.

Традиционное описание пунктуации, исходя из понимания предложения как сферы функционирования пунктуации, сузило само понятие *пунктуационная норма*. В результате обнаружился разрыв между нормой, существующими правилами и реальным употреблением пунктуационных знаков. Традиционный подход в рассмотрении пунктуации в рамках правописания обусловил необходимость установления своеобразной «переправы» между нормами и сложившейся практикой употребления.

Специфика пунктуационной нормы во многом обусловлена сферой реализации системных свойств знака. Носитель русского языка может усвоить правила употребления пунктуационных знаков, что обеспечит стандартность способа выражения. Вместе с тем знание норм не всегда обеспечивает эффективность и оптимальность коммуникативного акта.

В области пунктуации далеко не все можно «объяснить» и тем более нормализовать, поскольку естественной сферой реализации пунктуации является текст. Нам представляется, что следует различать функциональное назначение пунктуации предложения и пунктуации текста. Последняя выделена нами в особый объект нормализации – метаграфему [11].

Таким образом, пунктуационные нормы (метаграфические нормы) должны соответствовать нормам текстообразования. Усвоение пунктуационных норм происходит в процессе постоянного восприятия и интерпретации текстов разных жанровых характеристик. Пишущий должен осознать условия употребления пунктуационного знака или средства. В результате этой деятельности знак может получить новое функциональное назначение.

В XX в. было несколько попыток внести коррективы в практику пунктуационного оформления предложения/текста. Однако частные и не всегда обоснованные изменения в области пунктуационных норм существенно не могли изменить общий подход к пунктуации как периферийной области прикладной лингвистики. Знаменательно, что описание русской пунктуации и ее норм (в отличие от орфографии) на протяжении всей своей истории сохранялось в основе своей.

Для того чтобы определить специфику пунктуации как области нормализаторской деятельности, необходимо установить лингвистическую природу и сферу функционирования пунктуационной нормы, ее статус в системе других норм, действующих в языке и речи. Не останавливаясь на неоднозначном понимании нормы в зарубежной

и отечественной лингвистике, выделим как наиболее плодотворное для подтверждения специфики русской пунктуации идею *динамического характера нормы*. А. Едличка выделил три типа норм языковой коммуникации: формационную (системную), коммуникативную (ситуативную) и стилистическую. *Формационная* норма, тесно связанная с системой, является общеобязательной литературной и подчеркивается кодификацией в определенном коммуникативном сообществе. *Коммуникативная* норма не является кодифицированной, она ситуативно обусловлена, манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и неязыковыми (невербальными) компонентами. В отличие от формационных определяющим признаком для коммуникативных норм является наличие элемента невербального поведения. *Стилистическая* норма включает не только языковые элементы, но и отражается в различных компонентах (тематических, собственно текстовых, тектонических). Это норма, которая, по мнению А. Едлички, определяет построение высказывания (текста) в отдельных функционально-коммуникативных сферах [3].

С.И. Виноградов, оспаривая предложенное А. Едличкой соотношение между коммуникативной и стилистической нормой, предлагает понимать под коммуникативной нормой «адекватность коммуникативного процесса ситуации общения, а также его соответствие ценностям, стандартам, регулятивам, существующим в данной культуре» [1, с. 126]. В таком толковании коммуникативная норма включает в себя языковую и стилистическую нормы.

Необходимо признать, что меняются не только понятие нормы, но и задачи нормализации и кодификации.

На наш взгляд, разрыв между кодифицированной нормой и употреблением в сфере пунктуации объективно обусловлен спецификой пунктуационной нормы, которую следует рассматривать как **коммуникативно-прагматическую**. Вариантность и колебание в области пунктуации являются важными факторами эволюции пунктуационно-графической (метаграфической) системы и способами разрешения внутрисистемных противоречий.

Нерегламентированная пунктуация как результат осознанного отступления от нормы и правил не противоречит действующим пунктуационным нормам и предполагает определенную частотность типовых употреблений знака в типовых условиях функционирования. Как отмечает Л.К. Граудина, «исследователю надо по отклонению от нормы, по характеру функционирования зафиксировать тип переломных сдвигов, когда употребление нетрадиционных вариантов выходит за границы кодифицированной нормы и происходит зарождение новой

закономерности» [2, с. 196]. Так называемую авторскую (индивидуализированную) пунктуацию следует рассматривать как одно из возможных текстообразующих средств. Ее использование обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами автора, системными свойствами и жанровыми характеристиками конкретного текста, принятой социокультурной практикой оформления письменного текста.

Стихийное развитие нерегламентированной и индивидуализированной пунктуации не означает нарушение общих коммуникативных правил речевого поведения. Относительную стабильность в оформлении письменных (печатных) текстов обеспечивает наличие в каждом социуме «языкового вкуса» как проявление социальных требований и оценок в отношении языка и его реализации, а также развитое у носителей языка языковое чутье (чувства языка) как своеобразной системы бессознательных оценок на базе знаний системных отношений в языке, действующих норм и общественных языковых идеалов. При этом следует подчеркнуть, что «выбор рациональных нормативных решений не может основываться только на интуиции лингвиста или простого носителя языка и на его здравом смысле. Современные отологические исследования нуждаются в систематически разработанных прогнозах, которые должны опираться на обширный и доброкачественный фактический материал. Прогнозирование пороговых величин процессов развития нормы, знаменующих ее переменное изменение, – этот аспект анализа связан с представлением о продолжении в будущем тех тенденций, которые сложились в прошлом» [2, с. 185].

Вместе с тем усиливающийся в последнее время интерес лингвистов к названной проблеме является и следствием формирования в науке коммуникативно-деятельностной концепции языка. Внимание лингвистов направлено не только на изучение нормативных языковых явлений, но и на описание того, что принято было считать ненормативным. По признанию многих исследователей, нельзя недооценивать роль отклонений, колебаний, возникающих в конкретной речевой деятельности, поскольку в них можно обнаружить в ряде случаев тенденции, которые отражают зарождение и становление будущих норм.

Следует также признать, что в настоящее время кодификация не всегда вовремя отражает существующую норму. Б.С. Шварцкопф справедливо полагает, что кодификация должна опираться на наблюдения над живыми процессами функционирования литературного языка. «Это и облегчено и в то же время затруднено тем обстоятельством, что кодификатор здесь сам является и свидетелем и участником описываемых языковых процессов, – и неизвестно еще, помогают ли ему в этом его собственный речевой опыт и опыт среды или нет. Но что, без-

условно, мешает кодификатору – это влияние, груз предыдущей кодификации, ее предписаний, ее традиций (ср.: известное утверждение А.М. Пешковского: «Правильной всегда представляется речь старших поколений...»)» [10, с. 227].

Этим, вероятно, можно объяснить отрыв кодификации от реальных норм. Данное положение в полной мере относится и к пунктуационным нормам, поскольку наблюдаемое несоответствие между «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) и реальной практикой употребления пунктуационных знаков существенно осложняют деятельность интерпретаторов текстов (редакторов, корректоров, переводчиков и др.), учителей.

Употребление пунктуационных знаков в текстах во многом обусловливается авторским замыслом с учетом действующих текстовых и графических норм. Контекстуально обусловленные знаки, используемые в тексте для реализации задач конкретного речевого акта, формально не представлены в справочниках. Использование, например, тире как показателя актуального членения в текстах художественной литературы долгое время квалифицировалось как индивидуально-авторское употребление.

Интересный алгоритм проверки нормативности/ненормативности пунктуации предложил Б. С. Шварцкопф [9]. Он включил два этапа действий: первый ориентирован на понятие пунктуационной ситуации.

Под пунктуационной ситуацией понимается такая типовая совокупность определенных свойств синтаксической структуры и/или содержание (кон)текста, которая обуславливает или стимулирует использование определенных пунктуационных знаков или средств, закрепленных правилами и массовой практикой пишущих.

Уяснение пунктуационной ситуации (шаг 1), принятие решения на нужность/ненужность знака в выявленной пунктуационной ситуации (шаг 2), сопоставление решения, вытекающего из характера **пунктуационной ситуации** с наличием/отсутствием знака (шаг 3).

Второй этап действий ориентирован на структурно-системное содержание наличествующего знака: соответствует ли этот знак по своим свойствам предусмотренному правилу (шаг 4) и занимает ли свойственную ему позицию (шаг 5).

Эта схема действий выявляет типы отклонений от пунктуационных норм: отсутствие знака – при его необходимости, наличие знака – при его ненужности, наличие не того знака, который соответствует правилу, и постановка знака в его несвойственной позиции.

Таким образом, вариативность в употреблении пунктуационных знаков закономерна, так как она заложена в самой пунктуационной

системе. Вместе с тем автор, используя нерегламентированные пунктуационные знаки в соответствии с поставленными задачами, должен уметь защитить свой текст от непонимания. Не менее сложной является и проблема подготовки текста к печати, когда редактор (составитель) начинает «вычитывать» авторский текст. Не всегда удается определить пунктуационную ситуацию, которая обуславливает использование нерегламентированного знака, и тогда редактор обращается за помощью к действующим нормам. Этим, кстати, обусловлено неоднозначное использование знаков при подготовке рукописи в разных изданиях.

Пунктуационная норма характеризуется не как нечто правильное, а как стандартное, регулирующее и контролирующее речевое поведение носителя языка. По отношению к пунктуационной норме такой параметр оценки, как *правильно – неправильно*, имеет во многом субъективный характер: *неправильно то, что непонятно или то, что вызывает разное толкование*.

Появление нерегламентированной пунктуации объясняется целым рядом причин объективного и субъективного характера. *Во-первых*, установлен факт несоответствия между «знанием системы и знанием нормы». Норма предполагает ограничения на использование знака, что осложняет процесс ее усвоения. Знание нормы означает не столько знание языка, сколько знание о языке, т. е., в известной степени, лингвистическую осведомленность. Пишущий, не владеющий навыками лингвистического анализа, употребляет знак в соответствии с теми потенциальными возможностями, которые предоставлены всей пунктуационной системой (например, замена одного знака другим, комбинации знаков и др.).

Во-вторых, наблюдается неравномерное развитие пунктуационной системы с точки зрения сфер ее функционирования. Наряду с возросшей функциональной значимостью так называемой текстовой пунктуации (метаграфемике), пунктуация предложения становится «закрытой системой» для пользователя. То, что в предложении строго нормировано, в тексте получает определенную свободу выбора и интерпретации. Вариативность пунктуационных знаков как явление сугубо текстовое снимает строгое предписание норм.

В-третьих, определенная свобода выбора средств в выражении смысла обуславливает и возможность использования разных кодов передачи информации, принятых в данном социуме и созданных для реализации конкретной коммуникативной задачи. Задачи имитации устной речи средствами письменной коммуникации обусловили использование пунктуационных знаков для этих целей. Сфера письменной коммуникации располагает другой системой кодов, нежели

устная. Однако приспособление имеющихся в арсенале пишущего знаков создает эффект спонтанной речи, эмоционально окрашенной.

В-четвертых, до сих пор отсутствуют четкие предписания по использованию знаков. Появление нерегламентированной пунктуации обусловлено не только наличием вариативности в употреблении метаграфем, что подразумевает определенную свободу в выборе пунктуационного оформления текста, но и отсутствием рекомендаций по их использованию. Речь идет прежде всего об отсутствии предписаний в использовании пунктуационно-графических средств для актуального членения высказываний, выделения информационных центров, маркирования имплицитного смысла и т. д.

В-пятых, наблюдается размытость формулировок действующих правил, нечеткость в определении способа действия на письме, что затрудняет их использование в условиях необходимой «быстрой реакции» на употребление знаков (например, в ситуации записи текста под диктовку). Количество правил, включаемых в справочники и учебники, соотносится с задачами учебного пособия. В общей сложности сформулированных правил более 250, при этом каждое правило содержит примечания. Роль примечаний чрезвычайно велика, поскольку в них можно обнаружить характерные тенденции в употреблении того или иного знака, ограничения в характере функционирования, указание на сферу бытования и т. п.

В-шестых, появление нерегламентированной пунктуации обусловливается и наличием «нестабильных зон» в лингвистической интерпретации синтаксических явлений. Речь идет о таких лингвистических явлениях, которые не получили однозначную интерпретацию в научной литературе. Например, обособленные члены предложения, неоднородные определения, бессоюзные сложные предложения и др.

Следует признать, что многие нормы, которые организуют коммуникативный акт, действуют скрыто, на интуитивном уровне. Распространено мнение, что хорошее владение языком не нуждается в знании правил. Между тем овладение пунктуационными нормами и не предполагает точного воспроизведения формулировок правил, но требует постоянной интерпретации функции знаков в текстах.

Возникновение нерегламентированной пунктуации, как было отмечено, является естественным и объективным фактором развития всей пунктуационно-графической системы русского языка.

Представляется очевидным, что среди графических норм следует выделить и такие метаграфические нормы, которые отражают относительно стабильные и унифицированные реализации пунктуационно-графического оформления печатных текстов разной жанрово-сти-

листической принадлежности. Наличие в общественном сознании метаграфических моделей значительно облегчают процессы тексто-порождения и текстовосприятия.

Анализ функционирования пунктуационной нормы как коммуникативно-прагматической свидетельствует о необходимости осмысления отличий регламентированной и нерегламентированной пунктуации.

Представляется очевидным, что на базе нерегламентированной (преднамеренной) и индивидуализированной (авторской индивидуальной) формируется так называемая *метаграфическая норма*, понимаемая нами как совокупность социально отработанных и реально используемых пунктуационно-графических знаков и средств, используемых для оформления текста на внешнем уровне. Метаграфическая норма реализуется с учетом сформированных графической (*графическая модель текста*) и текстовой норм.

Метаграфические нормы отличаются от пунктуационных в традиционном их понимании. Если *пунктуационные нормы* являются результатом сознательного (и в известной степени искусственного) вмешательства в процессы кодификации, то *метаграфические нормы* – результатом способности речи к внутреннему саморазвитию и нормализации, что позволяет рассматривать их как нормы, стихийно сложившиеся. Если сферами реализации пунктуационных норм являются предложение и высказывание, то основной сферой реализации метаграфических норм – высказывание/текст. Высказывание является особой сферой функционирования пунктуации, ориентированной как на предложение, так и на текст, что дает основание полагать о действии в этой сфере как пунктуационных, так и метаграфических норм. Если пунктуационные нормы являются регламентированными и закрепленными в правилах как способах действия, то метаграфические нормы – нерегламентированными, имеющими рекомендательный характер.

Пунктуационная и метаграфическая нормы входят как составляющие в графическую норму языка, отражающую реализуемые в сфере письменной коммуникации графические модели предложения/текста.

Литература

1. Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи// Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 121–151.
2. Граудина Л.Г. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы// Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 177–198.

3. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1987. С. 135–149.

4. Иванова В.Ф. Академик Виктор Владимирович Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х годов (научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской академии наук. М.: Институт русского языка РАН, 1995. № 2. С. 108–114.

5. Кочеткова О. Про норму и ее реформу // [Электронный ресурс]. URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/f39/Кочеткова%20О_59-68.pdf

6. Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации // Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 08 июня 2009 г. № 195. [Электронный ресурс]. URL: http://znaki-pr.ru/texts/russian_language.html

7. Чернышев В.И. Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (по материалам архива Академии Наук СССР и личным воспоминаниям) // А.А. Шахматов (1864–1920): сборник статей и материалов / под ред. акад. С.П. Обнорского. М.- Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1947. С. 167–252.

8. Шапиро А.Б. Русское правописание. 2-е изд., перераб. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. 245 с.

9. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

10. Шварцкопф Б.С. Норма в письменном кодифицированном языке // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 152–176.

11. Шубина Н.Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 184–192.

12. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Е.В. Брусницына,

преподаватель кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций
Омского государственного университета Ф.М. Достоевского

НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННАЯ ПУНКТУАЦИЯ В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Стоящий на платформе строгой ортологии корректор, читая современные газеты, все чаще обнаруживает, что эта «платформа» уходит у него из-под ног. Лингвисты и методисты также обращаются к понятию нерегламентированной пунктуации. Поддаются ли система-

тизации многочисленные отклонения от кодифицированной пунктуационной нормы? Этот вопрос обсуждается в данной статье, написанной на материале произведений периодической печати.

Сравним соотношение терминов 'нерегламентированная пунктуация' и 'авторская пунктуация' в работах Н.С. Валгиной и Н.Л. Шубиной. В учебнике «Пунктуация современного русского языка» Н.Л. Шубиной дается следующее определение нерегламентированной пунктуации: «...не закрепленная действующими правилами, представляющая собой разнообразные отклонения от общих норм и существующая наряду с регламентируемой» [10. С. 71]. Здесь понятие авторской пунктуации (также не отраженной в современных правилах) не включается в понятие нерегламентированной пунктуации, видимо, в силу того, что первая обладает «мощным стилистическим средством» [10. С. 72] и тем самым отличается от всех других не закрепленных нормами знаков препинания. Ученый призывает осторожно относиться к понятию 'авторская пунктуация', так как часто [имеется в виду в принципе любой печатный текст, прошедший через корректуру. – Е. Б.] установить «авторство» того или иного знака бывает затруднительно по ряду причин «социолингвистического и лингвистического характера» [10. С. 73]. В связи с этим в учебнике предлагается использовать термин 'индивидуализированная пунктуация' по отношению к тем случаям, когда нельзя точно установить «авторство» употребления нерегламентированных знаков препинания. Действительно, определить, кто является настоящим автором того или иного пунктуационного оформления в печатных текстах (если это не является специальной задачей) после прохождения материала от автора к готовой публикации, не представляется возможным, так как авторский текст в процессе подготовки к печати проверяется несколькими людьми, как минимум редактором и корректором. Разного рода специалистам, работающим над текстом, Н. Л. Шубина даёт условное название «интерпретатор», которым и мы будем пользоваться в дальнейшем.

Автор указанного учебника называет причины объективного и субъективного характера, влияющие на появление нерегламентированной пунктуации. Н. Л. Шубина отмечает, что традиционно сферой описания пунктуации является предложение, а это сужает само понятие 'пунктуационная норма', в результате чего «обнаруживается противоречие между нормой, правилами и реальным употреблением пунктуационных знаков» [10. С. 75]. Если в предложении выбор знаков и их позиций строго нормирован, то в тексте появляется возможность их варьирования. Употребление нерегламентированной пунктуации можно объяснить также отсутствием четких правил использова-

ния синграфем, то есть пунктуационных знаков в узком понимании [10. С. 29]. И прежде всего в области применения знаков препинания для выражения актуального членения высказываний, «выделения информационно-коммуникативных центров, маркирования имплицитного смысла и т. д.» [10. С. 68]. В числе причин возникновения нерегламентированной пунктуации указывается и наличие спорных, нерешенных вопросов при объяснении некоторых синтаксических явлений, в том числе вопросов, связанных с обособлением второстепенных членов предложения, однородных и неоднородных определений и др.

Н.Л. Шубина пишет: «Нерегламентированная правилами пунктуация не поддается в настоящее время однозначной интерпретации. Можно предположить, что употребление пунктуационных знаков приобретает стихийный характер. Между тем анализ текстов позволяет обнаружить, что закрепляется своеобразная норма, за которой скрываются определенные закономерности» [10. С. 62]. Попытка обнаружить и систематизировать некоторые из этих закономерностей и будет предпринята автором настоящей статьи, который вслед за Н.Л. Шубиной видит в нерегламентированных, ненормативных употреблениях пунктуационных знаков проявления «зарождающихся функций русской пунктуации в оформлении смыслового и текстового пространства» [10. С. 62].

Н.С. Валгина определяет нерегламентированную пунктуацию как «не закрепленные нормами, не отраженные в справочниках» знаки препинания, в состав которых она включает и авторскую пунктуацию – «знаки, всецело связанные с авторской позицией, определяющие индивидуальный стиль писателя» [3. С. 183]. Ученый именно эти знаки называет собственно авторскими. Кроме того, в состав нерегламентированной пунктуации входят знаки препинания, употребление которых связано с пунктуационной практикой определенного исторического периода; знаки препинания, оформляющие разговорную речь, подчиняющиеся прежде всего интонационному принципу; знаки, ставящиеся на основании смыслового принципа, т. е. обусловленные требованием контекста, или контекстуально обусловленные [3. С. 179].

В данной статье рассматриваются случаи, связанные прежде всего с последней разновидностью нерегламентированных знаков, которые отражают тенденции пунктуационной практики. Наблюдения проводились над текстами, написанными разными журналистами, и не ставилось задачи выявлять особенности пунктуации какого-то одного автора. Именно в публицистических текстах (наряду с художественными) в силу стилистических особенностей чаще всего встреча-

ется постановка знаков препинания, в основе которой прежде всего (наряду со структурным) лежит смысловой принцип.

Размышляя о влиянии контекста на выбор знака препинания, Н.С. Валгина приходит к выводу, что «понятие факультативности в русской пунктуации существует лишь как некое надтекстовое понятие, когда объектом применения правил расстановки знаков избирается отдельно взятое предложение» [З. С. 149]. Если же актуализируется пунктуация связного текста, то само понятие факультативности отпадает, так как выбор знака в каждой конкретной ситуации обусловлен смысловыми и интонационными характеристиками текста, желанием автора передать вполне определенный смысл высказывания. При этом Н.С. Валгина называет три варианта контекста, которые учитываются при определении правомерности выбора того или иного знака. Это, во-первых, контекст ситуации, т.е. «широкий контекст», во-вторых, контекст как часть текста, то есть контекст в обычном понимании этого слова и, наконец, контекст предложения («малый контекст») [З. С. 149]. Исходя из этого, предлагается заменить понятие 'факультативные знаки' на 'контекстуальные знаки', если при анализе пунктуации учитываются условия более широкого контекста, чем предложение. В нашей статье в качестве примеров использования контекстуально обусловленных знаков препинания приводится «малый контекст», однако при интерпретации учитывается обусловленность знака или сочетания знаков условиями контекста как части текста.

Н.С. Валгина утверждает, что расхождения между практикой применения пунктуационных знаков и предписаниями, закрепленными в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года, в современных текстах довольно значительны [З. С. 103]. В названном своде правил, естественно, нет описания расстановки знаков препинания, связанных с оформлением синтаксических конструкций, получивших широкое распространение, актуализирующихся в последнее время в печати (сегментированные и расчлененные синтаксические построения, парцелированные конструкции, присоединительные члены, элементы разговорного синтаксиса и т. д.). Исследователь подчеркивает, что «...все более активизируется и “захватывает позиции” в литературе синтаксис актуализированный – с расчлененным грамматическим составом предложения, с выдвиганием семантически значимых компонентов предложения в активные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений» [2. С. 184]. Таким образом, изменения в сфере пунктуации связываются исследователями с

оформлением новых синтаксических структур письменной речи. Параллельно изменения в употреблении знаков препинания происходят и в оформлении традиционных синтаксических конструкций. Можно предположить, что в данном случае они обусловлены переосмыслением функций синграфем.

Предваряя перечень примеров использования нерегламентированных знаков препинания, взятых из центральных изданий («Аргументы и факты» (АиФ), «Комсомольская правда» (КП)) и областных изданий г. Омска («Вечерний Омск» (ВО), «Ваш Ореол» (О)) за 2008–2009-е годы, хотелось бы сказать, что все многообразие позиций контекстуально обусловленных знаков в основном оформляется при помощи одного из них – тире. О расширении сфер влияния этого знака много говорится в специальной литературе, посвященной основным проблемам пунктуации, которые связаны с актуальными процессами, происходящими в современном русском языке. В большинстве рассматриваемых случаев тире употребляется на месте отсутствия знака. Рассмотрим самые частотные ситуации.

1. Как наметившуюся тенденцию, в которой просматривается определенная регулярность, можно назвать употребление тире *между подлежащим и сказуемым*. Здесь, по всей вероятности, играет роль желание автора или интерпретатора актуализировать тема-рематические отношения в тексте. Обратим внимание, что во всех ниже перечисленных предложениях (1–6) используется составное именное сказуемое с нулевой связкой, а подлежащее выражено существительным или местоимением. Все эти примеры можно разделить на две группы: к первой отнесем конструкции, в которых «все чаще встречается тире» [1. С. 149] – предложения «с некоординированным сказуемым безотглагольного типа» [Там же]:

1) именная часть – существительное в косвенном падеже: *Все овощи – с дырами размером в грецкий орех* (ВО-33);

2) именная часть – предложно-падежное сочетание с частицей *не*: *Устное объявление о сокращении штата на общем собрании – не в счет* (КП-49);

3) подлежащее – личное местоимение (интонация выделения отсутствует), именная часть – составное наименование: *Похоже, участь этих двухэтажек решена, статус памятников с них снимут, поскольку он – регионального уровня и своя рука владыка* (О-52).

Во второй группе (именная часть – полная форма прилагательно-го или причастия) координация между подлежащим и сказуемым не нарушена, но тире тоже разрывает связь между главными членами, видимо, с целью актуализации одного из них, чаще сказуемого:

1) именная часть – прилагательное в полной форме: *В Омской области случаи возврата детей приемными родителями – единичные, тогда как в Новосибирской области таких случаев гораздо больше* (О-51);

2) именная часть – причастие: *Однако не прошло и недели, как в редакцию пришли несколько работников ЗАО «СМУ № 6». Причем один из них – уже уволенный* (О-52);

3) подлежащее – личное местоимение (интонация выделения отсутствует), именная часть – прилагательное: *– А как у вас оказались ваши дельфины Захарка и Зена? – Они – так называемые «сетевые». Это дельфины, которые по неосторожности попали в сеть...* (О-52).

И, наконец, пример, в котором именная часть представлена словом со значением оценки действия при подлежащем-инфинитиве [4. С. 279]: *Я считаю, что просто так худеть – глупо* (КП-47).

2. Отделяются при помощи тире несогласованные определения, относящиеся к нарицательному существительному. Выбор и оформление сегментированной конструкции связаны, по всей вероятности, с желанием автора или интерпретатора придать дополнительное причинное (1) или уточняющее (2) значение. Позиция – конец предложения, причем во втором примере определение имеет в качестве зависимого придаточное предложение, способствующее отделению конструкции: 1) *Такая несдержанность привела к возбуждению нового уголовного дела – за неуважение к участникам судебного разбирательства* (О-34); 2) *Это такой взаимообмен! Он определяется простым словом – любовь, которой много не бывает* (АиФ-52).

3. Если того требует контекст, может быть обособлено дополнение:

1) дополнение в середине предложения, выраженное предметно-количественным сочетанием: *Арендатор ответил, что даст нам расписку. А Зенкова, мол, к этому отношения не имеет. Сам же он то собирается перепрофилировать – оба, заметьте, здания, то грозит, что подгонит к нам в соседи семьдесят турецких рабочих* (О-50);

2) дополнение с оттенком обстоятельственного значения в начале предложения: *Мыслями о том, что в этой ситуации делать, поделился Олег Дерипаска...: «У нас – кризис перепроизводства...»* (АиФ-48).

4. Необходимо отметить, что сравнительно частотным в текстах оказалось отделение при помощи тире:

А) *обстоятельства, выраженного существительным с зависимыми словами* (реже – другими способами). Отделяться такие обстоятельства могут в препозиции. Далее приведены примеры использования нерегламентированной пунктуации:

1) обстоятельство места: *В голове – словно взорвалась атомная бомба* (О-53);

2) обстоятельство условия: *В случае нарастания инфляции – дать право бесплатного внутригородского проезда ветеранам и инвалидам...* (АиФ-5).

Б) Обстоятельство, выраженное существительным с зависимыми словами, в середине предложения. Зафиксированы обстоятельства времени и места: 1) *Теперь в случае успеха – в пятницу в семь часов вечера по омскому времени – Алексею предстоит полуфинал* (О-34); 2) *Суть предложения председателя профсоюза «Ямщик» сводится к тому, чтобы эти пять тысяч рублей с каждой маршрутки ежемесячно шли не как сегодня – в карман посредников, а в городской бюджет* (О-51). В этих случаях пишущий пунктуационно закрепляет синтаксическую расчлененность, а именно вставную конструкцию (1), пояснительную конструкцию (2). Отсутствие тире оформило бы синтагматически связанное с остальным предложением обстоятельство.

В) Типичная позиция обстоятельства – конец предложения. Приведенные ниже примеры можно интерпретировать как присоединительные конструкции [З. С. 188], то есть как факты нормативной пунктуации. Однако для нас важно, что частотность подобных конструкций резко возросла – в связи с тенденцией к сегментации речи:

1) обстоятельство образа действия: *...как же давно они вот так сидели здесь – сначала вдвоем, а потом втроем, и Галина улыбалась ему и Лорке ...* (О-52);

2) обстоятельство цели: *Родственники рассказывают, что буквально уговаривали ее жить – хотя бы ради детей* (О-52); *Неподалеку от Куйбышевского пляжа они спустились к Иртышу – посмотреть на ледоход* (О-52);

3) обстоятельство места после обстоятельства со значением времени: *Проблемы начались сразу после прилета в Тегеран – у окошка выдачи виз* (АиФ-49);

4) обстоятельство условия: *На письменные претензии отвечайте тоже письменно, но без эмоций, аргументированно – в том случае, если вам есть что сказать* (КП-49);

5) обстоятельство причины: *Он, как правило, значительно дешевле обычных тарифов – за счет скидок, которые предоставляются компании* (КП-51).

5. Тире *перед союзом* как используется в тех случаях, когда оборот с названным союзом не обособляется при помощи запятой на основании существующих правил:

1) оборот с как, имеющий значение характеристики человека с одной стороны: *Да, конечно, я здесь уже состоялся – как футболист и как человек* (АиФ-52);

2) сравнительный оборот с как, входящий в состав фразеологизма: *К тому же опыт показывает, что с олигархов хула – как с гуся вода* (АиФ-52). В данном случае (при выборе тире) происходит «усиление сравнительного значения сказуемого» [6. С. 340].

Функция тире во всех перечисленных случаях – актуализация тема-рематического членения, что в конечном итоге связано со стремлением автора оптимальным образом выразить свою позицию (иными словами, реализовать экспрессивную функцию). Итак, автор подобных конструкций всегда находится в состоянии выбора (осознанного или неосознанного): он ставит тире, оформляя данную конструкцию, или не использует синграфему в соответствии с нормами пунктуационного оформления явлений традиционного «синтагматического синтаксиса» [1. С. 47]. Исследование показало, что выбор первого варианта (постановка тире) составляет отличительную черту современной пунктуационной практики, использующей сегментирование. Употребление тире обусловлено исключительно прагматическими факторами: выделением, усилением, «рематизацией» определенного участка смысла высказывания.

Использование тире в качестве нерегламентированного знака препинания в различных позициях и с разными целями является частотным в современных газетных текстах. Таким образом, наше исследование еще раз подтверждает, что тире безусловно универсальный знак, так как его употребление помогает автору или интерпретатору расставить разнообразнейшие смысловые и интонационные акценты.

В научной литературе часто высказывались опасения, связанные с тем, что широкое использование нерегламентированных пунктуационных знаков может привести к возникновению непонимания между пишущим и читающим. Конечно, необходимость осмысления, систематизации не закрепленных правилами, не отраженных в справочниках и учебниках пунктуационных новаций очевидна, в силу того что это поможет и автору, и редактору, и корректору, то есть всем работающим над рукописью, лучше ориентироваться в разнообразии пунктуационных оформлений и находить оптимальные решения.

Литература

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 161 с.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 362 с.
5. Наумович А.Н. Современная русская пунктуация: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. Минск: Выш. шк., 1983. 256 с.
6. Некрасова Е.А. О пунктуационном оформлении сравнения-сказуемого в стихотворной речи // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ-РАН, 1996. С. 339–347.
7. Правила русской орфографии и пунктуации: полн. академ. справ. / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации: для работников печати. М.: Книга, 1984. 272 с.
9. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф, 1996. 368 с.
10. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 256 с.

Е.А. Кузнецова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Философия, история и право» Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ (на примере вариативного использования тире и двоеточия в современном русском языке)

Ни для кого не секрет, что современный русский язык функционирует в контексте существования ряда вариантов, претендующих на то, чтобы считаться равноправными. Подобная тенденция характерна и для такой, на первый взгляд, устоявшейся и не подверженной изменениям сферы, как русская пунктуация. При этом не следует рассматривать вариативность как явление, имеющее исключительно пейоративное значение. Как справедливо отмечает в своей монографии «Русский язык в XXI веке: кризис – эволюция – прогресс?» Н.В. Юдина, вариативность (от лат. *variāns* – ‘изменяющийся’) является одним из фундаментальных свойств языковой системы¹.

В.М. Солнцев трактует вариативность следующим образом: во-первых, под вариативностью следует понимать «представление о

разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы»; во-вторых, под этим словом подразумевается «термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом»². Начало изучения проблемы вариативности в отечественной лингвистике относят к середине XX века и связывают с работами А.И. Смирницкого по синтаксису английского языка³ и О.С. Ахмановой по общей и русской лексикологии⁴, в которых были сформулированы основные понятия варьирования.

Фундаментальное исследование соотношения вариативности и нормы связывают с монографией К.С. Горбачевича «Вариантность слова и языковая норма», в которой автор сформулировал основные признаки нормы, к которым он отнёс следующие: 1) устойчивость нормы, консерватизм; 2) распространенность языкового явления; 3) авторитет источника⁵. При этом, как отмечает Н.Н. Семенюк, для признания того или иного варианта нормой языка, необходимо наличие таких признаков, как соответствие данного явления структуре языка, массовая и регулярная воспроизводимость языкового факта в процессе коммуникации, общественное одобрение и признание соответствующего явления нормативным⁶.

Как известно, «современные нормы орфографии и пунктуации в русском языке являются результатом длительного исторического саморазвития»⁷. При этом тот факт, что утверждённые в 1956 году «Правила русской орфографии и пунктуации» сохраняют до настоящего времени свою законную силу, говорит об определенном рода консервативности современной ортологии (orthos – ‘прямой, правильный’, logos – ‘слово, понятие, учение’), учения о правильности речи, реализующегося в том числе и в сфере пунктуации. Несмотря на это, в начале XXI века учёные выделяют ряд аспектов, которые выходят за рамки нормативного понимания пунктуационных процессов и являются «продолжением отражения ряда тенденций в области синтаксиса и речевого поведения носителей современного русского языка»⁸. Не случайно, анализируя активные процессы в различных сферах современного русского языка, Н.С. Валгина отметила тот факт, что «современная русская пунктуация, как определенный исторический этап в ее становлении, представляет собой функциональную систему, с одной стороны, достаточно устойчивую и стабильную, и, с другой стороны, систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы»⁹.

Настоящая статья посвящена анализу современных тенденций в русской пунктуации на примере вариативного использования тире и

двоеточия в современном русском языке. Материалом исследования послужили предложения (всего – более 500 контекстов), извлечённые из печатных СМИ начала XXI века, в которых на месте нормативного двоеточия стоит вариативное тире.

Среди особенностей русской пунктуации в XXI веке Н.В. Юдина выделяет «процесс **сужения и локализации функций двоеточия** (более традиционного, строгого и «академического») **в пользу тире**». По мысли лингвиста, подобный выбор обусловлен спецификой тире как «более свободного, энергичного, экспрессивного и многофункционального, а значит, самого удобного знака, выполняющего структурные, смысловые и экспрессивные функции» и связан «с процессом универсализации тире и его активным распространением»¹⁰.

Анализ современного языкового материала показал, что тенденция к вариативному использованию двоеточия и тире в современном русском языке прослеживается как в сфере простого, так и в сфере сложного предложения.

I. В сфере простого предложения вариативность выбора двоеточия или тире обнаруживается в ходе постановки знака препинания между обобщающим словом и следующими за ним однородными членами.

Согласно параграфу 159 «Правил русской орфографии и пунктуации», двоеточие ставится перед перечислением, которым заканчивается предложение¹¹. При этом в современном русском языке в подобных случаях двоеточие активно заменяется тире, ср., напр., следующие контексты:

Партия гарантированно получит хороший результат, а значит, часть мандатов профессиональные политики могут уступить спецам – юристам, управленцам, военным (Русский репортер); Зрителей ждет около пятидесяти уникальных концертов – 5'nizza, «Сплин» и любимцы наших зрителей Mgzavrebi (Русский репортер); В меню вошли четыре главные кухни Латинской Америки – перуанская, мексиканская, бразильская и мясная аргентинская (Эксперт); Всего бренд предлагает восемь вариаций модели – с матовым или глянцевым покрытием, в корпусах из нержавеющей стали, с покрытием желтого или розового золота, на кожаном ремешке или стальном браслете (Эксперт).

При этом Д.Э. Розенталь указывал на подобную тенденцию в своём «Справочнике по русскому языку. Пунктуация»: «После обобщающего слова перед перечислением однородных членов предложения встречается наряду с обычным двоеточием также тире»¹².

II. В сфере сложного предложения вариативность выбора двоеточия или тире наблюдается при постановке знака препинания в бессоюзном сложном предложении.

1. Согласно параграфу 161 «Правил русской орфографии и пунктуации», двоеточие ставится после предложения, за которым следует одно или несколько предложений, не соединённых с первым посредством союзов и заключающих в себе разъяснение или раскрытие содержания того, о чём говорится в первом предложении¹³. Анализ языкового материала показал, что в данном случае в современном русском языке происходит наиболее активное использование тире вместо двоеточия:

а) чаще всего данная тенденция обнаруживается, если во второй части бессоюзного предложения разъясняется содержание не всей первой части предложения в целом, а только существительного, ср., напр.:

Вслед за эфиром зампреда ПАРНАСа Яшин поставил ультиматум – либо лидер ПАРНАСа участвует в праймериз наравне со всеми, либо Яшин отказывается от выдвижения своей кандидатуры (Русский репортер); Злоключения Акрама Айлисли на этом не закончились – в конце марта этого года ему было предъявлено обвинение по статье «Хулиганство» (Русский репортер); Позже родилась идея сделать из увлечения что-то вроде совместного проекта – забираться на самые высокие точки, искать труднодоступные места или здания «с историей» и вести там видео- и фотосъемку (Эксперт); Есть только внутренние предпочтения – у меня, например, до недавнего времени не складывалась любовь с поп-музыкой, но с появлением IOWA я так сказать уже не могу (Эксперт); В воздухе сплошной гул – говорят все и одновременно; много людей с кошками в переносках и собаками на руках (Эксперт);

б) прослеживается тенденция к вариативному использованию двоеточия и тире в бессоюзных сложных предложениях, где во второй части разъясняется содержание не первой части в целом, а только глагола, ср., напр.:

Сначала футболисты просто тренировались – подбрасывали мяч над футбольными воротами на пляже (Русский репортер);

в) использование тире вместо двоеточия встречается и в таких бессоюзных сложных предложениях, в которых вторая часть разъясняет содержание всей первой части целиком, ср., напр.:

Так папа десять лет назад и принес эту ткань – у них на работе кто-то продавал (Русский репортер).

2. Согласно параграфу 161 «Правил русской орфографии и пунктуации», двоеточие ставится после предложения, за которым следует одно или несколько предложений, не соединённых с первым посредством союзов и заключающих в себе основание, причину того, о чём говорится в первом предложении¹⁴. В данном случае также наблюдается тенденция к использованию тире вместо двоеточия, ср., напр., следующие предложения:

Во-вторых, наша экономика обескровлена – она лишена денег (Русский репортер); Когда я стала мэром, я очень боялась, что оторвусь от реальности – у меня было очень мало контактов с близкими людьми и обычными горожанами, все в основном деловые встречи (Русский репортер); Чтобы выглядеть убедительным, в наше время без науки не обойтись – даже деятели, от нее весьма далекие, вроде экстрасенсов и креационистов, пытаются придать своим идеям наукообразность или сослаться на какие-нибудь «открытия, не признанные официальной наукой» (Эксперт); Нет, я не считаю, что книжек про лженауку много – их как раз очень мало (Эксперт); Необязательно искать тропические условия – многие серферы предпочитают жаркому солнцу и золотым пляжам холодную воду и гидрокостюмы (Российская газета); По словам спортсменов, встать на вейкборд не сложнее, чем на сноуборд – новичку хватит пяти минут, чтобы научиться скользить по водной глади (Русский репортер); Синхронизации с iTunes или iCloud не требуется – теперь можно проигрывать и даже редактировать видеофайлы в HD-качестве в онлайн-режиме (Эксперт).

Итак, на основе анализа новейшего языкового материала можно сделать следующие выводы относительно тенденций в современной русской пунктуации.

1. В современном русском языке прослеживается тенденция к использованию тире в тех случаях, где действующие в настоящее время «Правила русской орфографии и пунктуации» предписывают использовать двоеточие.

2. Тенденция к вариативному использованию двоеточия и тире наблюдается как в простых, так и в сложных предложениях.

3. В простых предложениях вариативность выбора двоеточия или тире прослеживается в ходе постановки знака препинания между обобщающим словом и следующими за ним однородными членами.

4. В сфере сложного предложения вариативность выбора двоеточия или тире обнаруживается при постановке знака препинания в бессоюзном сложном предложении, если вторая часть включает в себе разъяснение или раскрытие содержания того, о чём говорится в первой части. При этом наиболее активно данная тенденция проявляется, если во второй части предложения разъясняется содержание не всей первой части в целом, а только существительного.

5. Тенденция к использованию тире вместо двоеточия наблюдается и в том случае, когда вторая часть бессоюзного предложения имеет значение основания, причины того, о чём говорится в первом предложении.

Таким образом, следует констатировать, что функции тире в современном русском языке значительно расширяются и включают в себя некоторые функции, которые были присущи ранее двоеточию.

Примечания

¹ Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис – эволюция – прогресс? М.: Гнозис, 2010. С. 188.

² Солнцев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 81.

³ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 284 с.

⁴ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 292 с.

⁵ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 19.

⁶ Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 338.

⁷ Юдина Н.В. Указ соч. С. 190.

⁸ Юдина Н.В. Указ соч. С. 123.

⁹ Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 239.

¹⁰ Юдина Н.В. Указ соч. С. 124.

¹¹ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / подред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

¹² Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М: Оникс 21 век, Мир и Образование, 2002. 350 с.

¹³ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

¹⁴ Там же.

Е.Н. Широкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и культуры речи Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ (по данным массмедийного и художественного дискурсов)

У многих представителей молодого поколения клиповый характер мышления преобладает над логическим, что напрямую зависит «от способа потребления и анализа поступающей информации»

[1. С. 320] и связано с развитием электронной коммуникации, обусловившим появление гипертекстов и увеличение количества креолизованных текстов, которые представляют «особый лингвовизуальный феномен» [2. С. 73]. В настоящее время «клиповость мышления становится нормой» [1. С. 323]. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых динамических процессов в области русской пунктуации, детерминированных активизацией клипового мышления у современного человека.

Именно клиповый характер восприятия во многом определяет поиск новых способов оформления письменных текстов, и стратегии современных СМИ «направлены на визуально активное взаимодействие с читателем» [8. С. 29]. В частности, при значительной доле неинформативных заголовков в масс-медиа внимание читателя организуется с помощью специального параграфического оформления постоянных рубрик, что делает их визуально узнаваемыми при беглом просмотре печатных изданий. Прототипические признаки таких текстов определяются не только типологическими чертами определенного дискурсивного жанра, но и заголовком рубрики в сочетании со способами ее оформления, в том числе пунктуационными, которые разрабатываются многими изданиями специально для каждой рубрики. Причем заголовок рубрики нередко совпадает с названием дискурсивного жанра, например: «СМС-жалобы», «Ответы на вопросы».

В широком понимании к знакам пунктуации относятся типографские – композиционно-пространственные и шрифтовые – средства печатного текста [6. С. 214; 9. С. 66 и др.], которые организуют периферию современной русской пунктуации [9. С. 66] и изучаются филологами в теории текстовой пунктуации [4], в лингвистике текста [2], а также в рамках теории визуализации текста [8. С. 29], невербальной семиотики [10. С. 185]. Мы будем рассматривать такие знаки в аспекте полевой организации системы русской пунктуации в связи с тенденцией к активизации знаков пунктуации, которые традиционно относятся к периферии пунктуационной системы.

Так, некоторые знаки пунктуации, участвующие в оформлении постоянных рубрик, выполняют одновременно две функции: отделяют разрозненные информативные фрагменты, следующие друг за другом, и, повторяясь в одних и тех же позициях, объединяют эти информативные фрагменты в единое текстовое пространство рубрики. В частности, в газете «ПРОгород» есть постоянная рубрика «СМС-жалобы». Название рубрики располагается на фоне фотографии известного горожанам места. Под заголовком и фотографией в

несколько столбцов, выровненных по левому краю, располагаются короткие жалобы горожан, отделенные друг от друга линейками и шрифтовым выделением одного или двух первых слов каждой жалобы, например:

Очень жаль, что никто
не следит за ходом часов
на площади Горького. Ведь
они «убежали» уже на 6
минут! За город обидно!

Во дворе дома № 4 на
улице Политбойцов ужасная
дорога, ее не могут сделать
уже который год. Невозможно
пройти с коляской. Просто безобразия!
(PROГород НН. 2014. 20 сент.).

Знаки пунктуации (шрифтовое выделение, линейка) в таком случае выполняют особую делимитативно-интегративную функцию – объединяют разрозненную информацию в единое текстовое пространство дискурсивного жанра с сохранением смысловой самостоятельности отдельных фрагментов. Аналогичную функцию выполняют знаки пунктуации и при оформлении дискурсивного жанра «Интервью», который представлен в современных масс-медиа двумя модификациями:

- интервью со свернутой позицией корреспондента;
- интервью с актуализированной позицией корреспондента.

В первом случае интервью, по сути, трансформируется в монолог интервьюируемого, разбитый корреспондентом на микротемы. Позиция корреспондента проявляется в названиях микротем и закрепляется с помощью шрифтового выделения и пробелов. Так, в традиционной рубрике «Мысли на ходу» газеты «PROГород» каждый абзац имеет одинаковое двухчастное строение: расположенное после знака хэштег (#) набранное полужирным шрифтом и выделенное цветом и курсивом название микротемы, за которым следует немаркированная прямая речь интервьюируемого, например:

#Желание выделиться. Желание сделать ретроавтомобиль у нас с братом было с самого детства /.../.

#Бизнес и эмоции. Да, автомобиль получился отнюдь не дешевый. Но мы с братом не собираемся возмещать затраты, сдавая нашу

красавицу на свадьбу или праздники. Разве что готовы поучаствовать на каких-либо выставках (PROГород НН. 2014. 20 сент.).

При этом авторизация инициальных предложений-заголовков как принадлежащих корреспонденту осуществляется на основе вынесенной в позицию концевой сноска стереотипной для данной рубрики фразы: *Беседовал(а) (имя, фамилия), фото автора.*

Таким образом, происходит активизация знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы и выполняющих акцентно-выделительную и делимитативно-интегративную текстовые функции.

Во втором случае позиция корреспондента нередко актуализируется не только шрифтовым выделением, но и с помощью препозитивного вопросительного знака, отличающегося от остальных знаков препинания размером и цветом и (или) расположением на цветном фоне, например:

Насколько было сложно донести до властей важность установки культового сооружения в городе? Не сложно, у нас на постах много прогрессивных людей с широкими взглядами. Было получено принципиальное согласие, но на условиях пока не сошлись (Место встречи. Сибирь. 2013. № 11).

При использовании вопросительного знака наблюдается частная тенденция к изменению позиции знака с сохранением его основной смысловой функции маркирования функционального типа предложения. Ср. также употребление препозитивного вопросительного знака в жанре «Ответы на вопросы»:

? – В Нижнем то и дело устанавливают памятники, причем не самые привлекательные. Могут ли горожане сами установить скульптуру?

– **Вам следует** обратиться в городской совет депутатов, который рассматривает поступающие от граждан предложения /.../ (PROГород НН. 2014. 20 сент.).

Особое положение (препозиция), специфическое графическое оформление и дополнительные функции (в ряде случаев вопросительный знак замещает собой вводящее прямую речь предложение или даже название рубрики) сближают такой знак препинания с непунктуационным параграфическим знаком, выполняющим компрессивную функцию.

В художественном дискурсе при сохранении основной структурной (разделительной) и смысловой функции вопросительный знак употребляется в несвойственной ему позиции – на стыке предикативных частей полифункционального сложного предложения, если по функции одна предикативная часть вопросительная или вопро-

сительно-повествовательная (риторический вопрос), а следующая за ней предикативная часть повествовательная или побудительная, например:

Вы, дескать, в Столовую Избу? и я с вами (Т. Толстая. Кысь); *Злись не злись, а слово поперек Никите Иванычу как скажешь? – как есть он Главный Истопник* (Т. Толстая. Кысь); *Только сердце прыгало внутри его, как отдельное, живое и несогласное: тебя, может, и убьют, а меня? меня за что? пусть тебя бьют, а меня выпусти!..* (З. Прилепин. Обитель).

На наш взгляд, вопросительный знак в таких случаях выполняет не только интонационно-актуализирующую функцию, связанную с передачей особенностей разговорной речи, но и репрезентирует фрагментарность клипового мышления, подчеркивая смысловую самостоятельность предикативных частей и быстрый переход от одного информативного блока к другому. Однако одним из самых приспособленных для этого знаков препинания является многоточие.

В научной литературе многоточие относится к знакам препинания, выполняющим компрессионно-компенсирующую, или восполняющую, функцию. Такие знаки сигнализируют о смене пропозиции [4. С. 26–27]. По наблюдению Н.С. Валгиной, «иногда многоточие ставится в начале абзаца, передавая разрыв в повествовании, резкий переход от одной темы к другой. Таким образом намечается пауза, помогающая переключить внимание читающего» [3. С. 270–271]. Поскольку клиповое мышление и соответствующая ему так называемая «мозаичная культура» характеризуются «фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [7], то современный читатель, как правило, уже не нуждается в паузе для переключения внимания. Положительной стороной клипового мышления является большая скорость обработки информации. Поэтому многоточие становится знаком, маркирующим переходы между разрозненными текстовыми фрагментами, знаком, репрезентирующим клиповое мышление. Причем в такой функции многоточие может использоваться на стыке и предложений, и абзацев (в позиции конца или начала абзаца), например:

Неприятные эмоции являются таким же необходимым ингредиентом любой игры, как подъем санок в гору. Удовлетворение, которое испытывает игрок, связано с их преодолением... Как ты думаешь, почему стала возможна Великая Частотная Революция? (В. Пелевин. Бэтман Апполо);

Именно в такие минуты люди начинают детей – потому что уверены в ждущем их солнечном счастье.

Вот только рождаются эти дети почему-то в феврале ...

Мертвая голова Иштар лежала (мне хотелось сказать «восседа-ла», как если бы речь шла о большой жабе) на огромном золотом блюде (В. Пелевин. Бэтман Апполо).

При этом многоточие нередко маркирует переход от одной субъектной сферы, сквозь призму которой ведется повествование, к другой, от прямой речи персонажа к речи повествователя. При отсутствии пунктуационного выделения прямой речи на фоне авторской, что характерно для современной художественной речи, такие переходы оказываются особенно резкими. При этом эффект клиповости восприятия может усиливаться за счет сочетания разных способов введения прямой речи (пунктуационно маркированного и не маркированного), связанных с передачей внешней и внутренней речи [5. С. 16], а также использованием строчной буквы после многоточия в начале абзаца, например:

– Я, милый, знаешь, как чувствую, – тихо, не сходя с места, продолжал шептать владычка, – Соловки – ветхозаветный кит, на котором поселились христиане. И кит этот уходит под воду /.../ Не уходи под воду, милый мой, не погружайся во мрак, тут и так все во мраке.

– Уйди, – повторил Артем, чувствуя, что его сейчас вырвет.

“... он всем говорит про доброту, – заводил он себя с припадочной злобой, сжимая изо всех сил зубы. – Каждому лагернику здесь. А любой из них – злая тварь, мечтающая зарыться в свою прогнившую телогрейку и переждать, пока все вокруг передохнут...”

Артем так стоял еще с минуту, потом оглянулся – и, никого не увидев, поймал себя на мысли, что хотел бы застать владычку на том же самом месте – зачем он ушел? Мать бы не ушла! /.../ А этот, с бородой, наобещал всего, – а может и не дожидаться! Может забыть!

...от долгого переизбытка раздражения – Артема вдруг охватила вялость (З. Прилепин. Обитель).

Таким образом, активизация клипового мышления детерминирует изменения в сфере оформления письменной речи. Использование знаков пунктуации с целью объединения в единое текстовое пространство разрозненных смысловых фрагментов при сохранении их информативной обособленности обусловило активизацию знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы, появление у знаков пунктуации (многоточия, вопросительного знака, типографских знаков пунктуации) новых частных функций, употребление знаков в несвойственной позиции, в частности, препозитив-

ного и интерпозитивного (на стыке предикативных частей сложного полифункционального предложения) вопросительного знака.

Литература

1. Аксенов Л.Б. Влияние клипового мышления на образовательный процесс в вузе / Л.Б. Аксенов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 10. – С. 320–323.

2. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.

3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

4. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.М. Кольцова. – Воронеж, 2007. – 48 с.

5. Николина Н.А. Новые тенденции в оформлении чужой речи / Н.А. Николина // Русский язык в школе. – 2013. – № 6. – С. 13–17.

6. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А.А. Реформатский // Исследования по структурной типологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 208–215.

7. Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» – феномен современности / Т.В. Семеновских // Оптимальные коммуникации (ОК). – URL:<http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208>. – Дата обращения: 24.12.2014.

8. Семьян Т.Ф. Визуальный облик журнала «Сноб» / Т.Ф. Семьян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2013. – № 1, т. 10. – С. 28–32.

9. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б.С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

10. Шубина Н.Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания / Н.Л. Шубина // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 184–192.

Е.Н. Широкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и культуры речи Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина

ТЕНДЕНЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ ЧУЖОЙ РЕЧИ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

При описании конструкций, передающих чужую речь, в научной литературе отмечаются тенденции: 1) к четкому разграничению чужой и авторской речи и 2) к стиранию границ между ними (см.: [Бах-

тин (Волошинов), 2010. С. 106–107; Дзякович, 2002. С. 203] и др.). Эти тенденции не конкурируют друг с другом, однако являются взаимно обусловленными, что позволяет исследователям рассматривать конструкции с чужой речью в рамках теории функционально-семантических полей (ФСП), предполагающей структурирование конститuentов поля в соответствии с принципом «центр – ближняя / дальняя периферия». Для ФСП чужой речи такое моделирование осуществляется с учетом различной степени «маркированности границ» и различной степени «взаимопроницаемости своей и чужой речи» [Максимова, 2011. С. 25]. При этом в качестве основного признака, организующего данную полевую структуру, вы ступает «обособленность / проницаемость границ своей и чужой речи», в качестве дополнительных – «степень маркированности границ своей и чужой речи и степень развернутости (эксплицированности) “своего” и “чужого”» [Там же].

Вместе с тем, как отмечает В.Н. Волошинов (М.М. Бахтин), «между чужою речью и передающим ее контекстом господствуют сложные и напряженные динамические отношения» [Бахтин (Волошинов), 2010. С. 105]. И в последние десятилетия в художественном и масс-медийном дискурсах активизируется тенденция к размыванию границ между чужой и авторской речью, что обуславливает поиск новых способов пунктуационного оформления таких конструкций. Причем особенности динамических процессов в области пунктуации определяются спецификой коммуникативной сферы, в которой функционируют конструкции, передающие чужую речь. Целью данной статьи является рассмотрение тенденций оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе. Исследование осуществляется с использованием методов полисистемного, контекстуального и дискурсивного анализа.

Формат современных СМИ определяется новыми дискурсивными жанрами (например, СМС-жалобы) и трансформацией традиционных жанров. В частности, в интервью наблюдается асимметричная экспликация позиций сторон коммуникации, проявляющаяся в свертывании речи корреспондента или интервьюируемого, что сопровождается изменением в использовании знаков препинания, в том числе тех, которые находятся в зоне периферии русской пунктуационной системы. К последним относятся типографские средства членения текста и шрифтовая оппозиция [Шварцкопф, 1988. С. 66–68]. Так, в традиционной рубрике «Мысли на ходу» газеты «PROГород» интервью, по сути, трансформируется в монолог интервьюируемого, разбитый корреспондентом на микротемы, отделенные друг от друга пробелами без отступов. Каждый абзац при этом имеет одинаковое двухчаст-

ное строение: расположенное после знака хэштег (#), набранное полужирным шрифтом и выделенное цветом название микротемы, за которым следует немаркированная прямая речь, например:

Желание выделиться. *Желание сделать ретроавтомобиль у нас с братом было с самого детства...*

Бизнес и эмоции. *Да, автомобиль получился отнюдь не дешевый. Но мы с братом не собираемся возмещать затраты, сдавая нашу красавицу на свадьбы или праздники. Разве что готовы поучаствовать на каких-либо выставках (PRO Город НН. 20.09.2014).*

Причем авторизация инициальных предложений-заголовков как принадлежащих корреспонденту осуществляется на основе вынесенной в позицию концевой сноски стереотипной для данной рубрики фразы: *Беседовал(а) (имя, фамилия), фото автора.*

Наряду с этим в газете «PRO Город» встречаются интервью со сходным пунктуационным оформлением, но с традиционно-нормативным выделением прямой речи. В таком случае абзац может иметь трехчастное строение: название микротемы, выделенное полужирным шрифтом; заключенный в кавычки монолог, состоящий из ряда предложений (6–11); вводящее прямую речь постпозитивное предложение, например:

Пропали туфельки. *«На кастинг меня отправила мама: она обожает втягивать меня в такие авантюры. Меня и сестру /.../ Кстати, многие участники были с нашего прошлого проекта – “Большие танцы”. Все они танцоры с большой буквы», – говорит Надя (Там же. 27.09.2014).*

Таким образом, наблюдается тенденция к активизации знаков пунктуации, которые относятся к периферии системы современной русской пунктуации.

По-другому оформляются тексты в жанре «Рекламное интервью». В таких текстах заголовок нередко заключается в кавычки, функция которых оказывается неоднозначной. Формально они остаются знаком выделения прямой речи и отсылают к позиции интервьюируемого. Однако заключенное в них высказывание содержит интерпретацию смысла сказанного и тем самым соотносится с позицией корреспондента. В таком случае кавычки маркируют измененную с рекламной целью прямую речь. Так, в большом блоке рекламных материалов о кредитно-производственной компании «РОСТ» есть интервью с актером Сергеем Ростом. Заголовок интервью «*Я умею играть на сцене, а РОСТ умеет вкладывать деньги и приносить прибыль своим клиентам*» заключен в кавычки и коррелирует с предложением *У меня хорошо получается играть, писать сценарии, шутить, а РОСТ умеет*

вкладывать деньги и получать большую прибыль (Там же). При этом, как видим, в заголовке эксплицируется один из возможных интерпретационных вариантов предложения. Так, в тексте интервью используется глагол *получать* с незаполненной позицией адресата действия: субъект производит, добывает, приобретает (*большую прибыль*). Это позволяет отождествить субъекта и адресата и интерпретировать предложение как *За счет большой прибыли компания (ее сотрудники) имеют хорошие доходы*. В заголовке этот смысл снимается за счет мены глагола и заполнения позиции адресата при нем (*приносит своим клиентам*), поэтому кавычки в заголовке можно рассматривать как знак контаминации речи интервьюируемого и корреспондента.

Сами же реплики диалога в интервью четко противопоставлены друг другу с помощью абзаца (без отступа) и шрифтовой оппозиции (полужирный шрифт / нейтральный шрифт), однако вместо знака тире используется точка, например:

- ***Сергей, вы стали сотрудничать с компанией РОСТ. Можете это как-то прокомментировать?***

- *Случайно в самолете прочитал про компанию РОСТ.. (PRO Город НН. 27.09.2014).*

Также в кавычки может заключаться заголовок при оформлении рекламного текста в форме монолога. При этом формируется оппозиция: маркированная с помощью кавычек чужая речь (заголовок) / немаркированная с помощью кавычек чужая речь (собственно рекламный текст). Такое пунктуационное оформление, а также включение в монологическую речь рекламных фрагментов позволяет авторизировать рекламный текст как принадлежащий корреспонденту или рассматривать его как контаминированную форму речи, субъекты которой указаны под заголовком, например:

«Теперь у нас потолок с “изюминкой!”»

Ольга Древина

Рассказывает нижегородка Анна Александрова

Наша семья переехала в новую квартиру. В старой – были речные потолки, которые приходилось часто мыть. ... Много положительных отзывов слышали о фирме «Французские натяжные потолки»: профессионализм, гарантия – 15 лет, выгодные акции ... Спасибо за высокое качество работы! (Там же).

Степень объективированности / субъективированности такого рекламного текста может быть разная. Вместе с тем в композиции есть черты, характерные для всех текстов анализируемого типа: заголовок, оформленный с помощью кавычек, указание под заголовком на двух субъектов речи – корреспондента (S1) и горожанина, от име-

ни которого представлен рекламный текст (S2), авторизация заголовка как принадлежащего S2. В самих рекламных текстах представлены следующие стереотипы: жизнь до обращения к услугам, товарам рекламодателя, с указанием причин, ухудшающих жизнь в этот период; обращение к рекламодателю; улучшение качества жизни после такого обращения. Интенциональность таких текстов, сфера функционирования, включение в их композицию стереотипных компонентов (прототипичность) позволяют говорить о дискурсивном жанре «Рассказ-реклама», для которого в газете «PRO Город» разрабатывается особое пунктуационное оформление.

Формируется специальное пунктуационное оформление и для жанра «Ответы на вопросы», в котором прямая речь, принадлежащая спрашивающему и отвечающему, нередко разграничивается с помощью абзаца без отступа, а также оппозицией шрифтов и актуализацией вопросительного предложения, маркированного с двух сторон вопросительными знаками, первый из которых выделяется цветом и размером шрифта. Функция такого знака неоднозначна: он замещает собой и название рубрики, и вводящее предложение:

? Требуется эффектный интерьер в спальне. Может быть, надпись? Или рисунок?

Надпись или несколько фраз зададут нужное настроение в интерьере и охарактеризуют владельца (Там же).

При этом факультативным оказывается тире перед ответной репликой, ср., например:

? Подлежат ли возврату товары, которые были куплены с большой скидкой на распродаже?

– Условие продавца о том, что товар со скидкой не подлежит обмену и возврату, незаконно (Там же. 15.11.2014).

Частной тенденцией в оформлении чужой речи является эллипсис вводящих прямую речь предложений. С одной стороны, вводящее предложение сокращается до субъекта речи. При этом между вводящей частью и прямой речью сохраняются двоеточие и прописная буква в начале прямой речи, а выделяющие кавычки оказываются факультативным знаком. Так как в масс-медийном дискурсе в качестве субъекта речи нередко выступает имя собственное – название газеты, журнала и т. п., именно оно может заключаться в кавычки при отсутствии кавычек в правой части предложения. Оформление таких конструкций оказывается асимметричным по отношению к традиционным предложениям с прямой речью, например:

«АВТОПИЛОТ»: Какие машины чаще всего заказывают? (Автопилот. 15.06.2002; НКРЯ).

С другой стороны, осуществляется эллипсис субъекта речи. В результате при отсутствии выделяющих чужую речь кавычек вводящий глагол речи, особенно в интерпозиции и постпозиции, выполняет функцию вводно-модальной конструкции с семантикой авторизации, отсылающей к субъекту, названному в речи корреспондента, например:

*Почему одна знакомая мне дама всерьез огорчается, если ей да-
рят что-то кроме Hermes? Приносите, **говорит**, что хотите – шарф,
ключницу, браслет, тарелку или солонку из коллекции Artdes Tables,
хоть седло, – только чтобы Hermes* (Домовой. 04.01.2002; НКРЯ).

Активность таких вводно-модальных конструкций в современной речи растет, что позволяет говорить исследователям о формировании специфических языковых моделей, организующих периферию поля чужой речи [Максимова, 2006. С. 59].

«Освободившиеся» в таких случаях кавычки начинают использоваться в новых функциях. В художественном и масс-медийном дискурсах они нередко становятся средством маркирования разных временных и модальных планов [Дзякович, 2002. С. 204–205; Николина, 2009. С. 269–271; 2013. С. 16–17]. Кроме того, они служат для разграничения чужой речи, принадлежащей разным субъектам, при ее организации по принципу матрешки (чужая речь включается внутрь чужой речи), например:

АЛЫШЕВ: Сколько людей, столько и заказов. Один говорит: «Хочу как у соседа». Другой – «как в западном журнале». Третий – «чтобы ни у кого такой не было» (Автопилот. 15.06.2002; НКРЯ).

Выполняют кавычки в масс-медийном дискурсе и смысловую функцию – маркируют степень дистанцированности от чужой речи.

Расширение способов оформления чужой речи позволяет пишущему осуществлять выбор варианта с учетом его перлокутивного потенциала. В таком случае использование определенной конструкции чужой речи можно отнести к манипулятивным тактикам воздействия на адресата. Рассмотрим это на примере онлайн-трансляции «Марша мира», который проводился оппозицией и проходил в Москве 21 сентября 2014 г. (транслирующее издание – газета «Коммерсантъ. ru»). Так, для сообщения о количестве участников протестного мероприятия использовалось 4 типа конструкций.

1. Предельно объективированная двухчастная конструкция, в которой левая часть представляет собой название официального органа, правая – официальное сообщение. При этом актуализируются признаки официальность, строгость изложения:

МВД: Общее количество участников мероприятия приближается к 5 тысячам человек.

2. Сообщение представителя транслирующего издания передается с помощью конструкции косвенной речи, для которой характерна объективированная форма изложения, что в имплицатуре предполагает такие качества, как объективность, достоверность, надежность источника:

Корреспондент «Ъ» Григорий Туманов сообщает, что на акции 8–10 тысяч человек.

3. Сообщение представителя другого издания оформляется как предложение с вводно-модальной конструкцией, актуализирующей субъектный план. При этом в абсолютное начало предложения выносится союз как, а в чужую речь вводится маркер приблизительного количества – разговорный предлог порядка:

Как сообщает фотокорреспондент «Новой газеты» Евгений Фельдман, в акции участвует порядка 20 тысяч человек.

Имплицатура этого предложения предполагает такие качества, как *меньшая объективность, меньшая достоверность, меньшая надежность источника* по сравнению с сообщением, переданным косвенной речью.

4. Для передачи речи оппозиционера Б. Немцова используется такая же двухчастная конструкция, как и при оформлении сообщения официального источника, однако правая часть конструкции заключается в кавычки. Причем включенная в речь Б. Немцова чужая речь кавычками не маркируется, поэтому в целом актуализируется только один субъект речи – сам Б. Немцов – и его точка зрения:

Борис Немцов: «Дошли до Трубной – народу более 100 тысяч. Народ скандирует: Хватит врать и воевать».

В имплицатуре такое оформление предполагает: *дистанцированность передающего органа, распределение ответственности за сказанное, субъективность.*

Таким образом, увеличение доли контаминированных форм речи, используемых в ряде дискурсивных жанров, коррелирует с тенденцией к активизации знаков пунктуации, относящихся к периферии пунктуационной системы. Востребованность вариативных форм оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе поддерживается такой функцией масс-медиа, как воздействие на адресата, предполагающей выбор конструкции с ориентацией на перлокуцию.

Литература

Бахтин М.М. (Волошинов В. Н.) Антропологистика: Избр. тр. (Серия «Психоллингвистика»). М.: Лабиринт, 2010. 255 с.

Дзякович Е.В. Экспрессивные пунктуационные приемы в сфере передачи чужой речи // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002. С. 202–207.

Максимова Н.В. О разнородности форм передачи чужой речи в их языковом, речевом, текстовом статусе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2006. Т. 6, № 16. С. 48–60.

Максимова Н.В. Способы передачи чужой речи: смысл и текст: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2011. 82 с.

Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: Моногр. М.: Гнозис, 2009. 336 с.

Николина Н.А. Новые тенденции в оформлении чужой речи // Русский язык в школе. 2013. № 6. С. 13–17.

Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка, газетный корпус. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Газета «Коммерсантъ.ru». URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 21.09.2014).

М.С. Власов,

кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского отдела, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина

РУССКАЯ ПУНКТУАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА: КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ?!

На сегодняшний день многие лингвисты признают, что русская пунктуация требует серьезного изучения в контексте изменения речевого узуса и литературной нормы. Большие расхождения между существующим стандартом и реальной пунктуационной практикой, а также новые тенденции в развитии системы метаграфических средств свидетельствуют о насущной актуальности изучения этих явлений. При этом следует разграничить две точки зрения на статус современной пунктуационной системы.

В рамках традиционного подхода русская пунктуация рассматривается как система графических знаков, «обеспечивающих репрезентацию номинативной стороны языковых единиц, так и грамматическое их содержание» [Кольцова 2007]. С этой точки зрения актуальным является изучение связи пунктуации со смысловой сто-

роной высказывания, осмысление и описание новых тенденций, происходящих в самой пунктуационной системе, при этом важное значение отводится сохранению основ русской пунктуации, относительной стабильности пунктуационной нормы, изучению продуктов речевой деятельности «компетентных» носителей языка (носителей нормы).

Адекватная кодификация нормы в условиях постоянно меняющегося узуса, как отмечает А.Д. Шмелев, должна учитывать различное восприятие языковых изменений носителями языка и связанное с этим расхождение в оценке наблюдаемых явлений. Практическим результатом такой работы является кодификация новых и пересмотр существующих норм русской пунктуации, которые оцениваются «компетентными» носителями языка, владеющими общеобязательными пунктуационными нормами (по Н.С. Валгиной). Несомненно, изучение продуктов речевой деятельности таких носителей позволяет отследить не «статистику пунктуационных ошибок» и стихийное употребление знаков, а границы инноваций нормы при сохранении ее привычности для «компетентных» носителей языка. Такой подход следует признать рациональным для кодификации литературной нормы и использования в лингводидактической деятельности.

Известный исследователь русской пунктуации Н. Л. Шубина справедливо относит современные пунктуационные нормы к коммуникативно-прагматическим, особую роль отводя при этом неосознанному овладению системой метаграфических средств русского языка и так называемому «чувству языка». При этом, по ее мнению, именно читатель с развитым чувством языка и знанием действующих норм достаточно полно и адекватно может понять заложенную пишущим информацию как вербальными, так и невербальными средствами [Шубина 2006: 64]. Однако в настоящее время на функционирование норм русской пунктуации значительное влияние оказывают множество экстралингвистических факторов: новые форматы коммуникации, стилистическое и жанровое многообразие, явления интерференции, индивидуальные языковые стратегии, универсальные когнитивные механизмы и другие факторы.

Существует и психолингвистический подход к русской пунктуации, при котором она рассматривается не только с позиции пишущего, но и читающего. Более того, сторонники традиционного подхода также признают необходимость учета коммуникативного фактора в пунктуационной деятельности. «Пунктуация имеет четкое назначение – передать читающему смысл написанного таким, каким он воспроизводится пишущим» [Валгина 1979: 5]. То есть пунктуация уже по самому определению своему субъективна, а потому в большинстве случаев с

необходимостью вариативна [Парубченко 2003: 265]. Подобная субъективность и вариативность создает предпосылки для глубокого исследования пунктуационных паттернов пишущего и читающего.

С психолингвистической точки зрения важно «отключиться» от грамматики русского языка и взглянуть на пунктуацию с позиции наивного читателя [Голев 2010; Голев 2013]. В связи с этим актуальным становится ряд вопросов: какова степень участия знаков препинания в процессах восприятия и понимания текста при обычном (беглом) чтении; почему обходится без обязательного нормативного пунктуационного оформления обывательская письменная речь, реклама, деловая коммуникация; является ли убедительным обоснование семантизирующей функции знаков препинания путем отсылок на фразы типа «Казнить нельзя помиловать»; какую функцию несут знаки препинания в естественной коммуникации: культурно-знаковую или коммуникативную.

Проверка коммуникативной «надежности» пунктуационного оформления синтаксических единиц разного уровня сегодня решается с помощью разнообразных психолингвистических методик.

Подходящим экспериментальным материалом для подобных исследований являются задания с использованием предложений с синтаксической неоднозначностью [Федорова 2007].

Предложение является синтаксически неоднозначным, если есть возможность по-разному выделить или грамматически по-разному проинтерпретировать его члены, а также по-разному проинтерпретировать синтаксические связи между ними [Драгой 2007: 15]. Так, например, в случае конституентной неоднозначности расположенные рядом слова могут объединяться в группы по-разному. Так, в следующем предложении непонятно, новые только тетради, или книги тоже новые:

Положи в портфель новые тетради и книги.

Различные смыслы можно обозначить с помощью скобок:

Положи в портфель (новые тетради) и книги.

Положи в портфель новые (тетради и книги).

Л.Б. Парубченко выделяет два типа синтаксической неоднозначности, связанной с диктумом и модусом высказывания. В первом случае возникает возможность неоднозначных отношений между элементами внеязыковой предметной ситуации, отражаемой в высказывании и возможность двоякого членения предложения при помощи знаков препинания:

Казнить, нельзя помиловать!

vs.

Казнить нельзя, помиловать!

Надя, чувствовала сестра, не зря вызвала ее.

vs.

Надя чувствовала: сестра не зря вызвала ее.

В подобных случаях возникает потенциальная неоднозначность, которая может быть разрешена постановкой того или иного пунктуационного знака.

В иных случаях пунктуационные и интонационные варианты выражают только различные субъективные смыслы, идущие от говорящего и пишущего, не затрагивая денотативного содержания высказывания. Например, пишущий может актуализировать или не актуализировать причинную или уступительную связь между фрагментами предложения:

Сопровождаемый офицером |, комендант вошел в дом.

vs.

Сопровождаемый офицером комендант | вошел в дом.

Привлеченные ярким светом |, бабочки кружились около фонаря.

vs.

Привлеченные ярким светом бабочки | кружились около фонаря.

Здесь мы имеем дело с так называемой «необязательной» пунктуацией, вариативной, не влияющей на понимание авторской пресуппозиции. В зависимости от позиции знака препинания изменяются только дополнительные смысловые оттенки и акценты, создаваемые пишущим.

В настоящей статье рассматривается явление первого типа: эффект влияния нормативной и ненормативной (намеренный пропуск, замена или использование знака в неправильной позиции) пунктуации на разрешение синтаксической неоднозначности, связанной с диктумом высказывания.

Наши исследования, посвящённые функционированию знаков препинания в условиях коммуникативно-направленного эксперимента, показали, что нормативное пунктуационное оформление предложений с синтаксической неоднозначностью не всегда способствует их коммуникативно-правильному пониманию. Между тем, пунктуационное оформление, которое является ошибочным с точки зрения норм, не всегда создает коммуникативные помехи. Так, по результатам исследований [Власов 2008], предложение с пропущенной запятой перед обособленным приложением большинством испытуемых интерпретировалось верно, в соответствии с коммуникативной интенцией экспериментатора, при этом отсутствие запятой они не замечали:

Женя спросил Петю: «Кто придёт к тебе на День Рождения?».
Петя ответил: «Ну, там будет Саша, Миша мой брат, моя сестра Аня» (авторская пресуппозиция: Миша - это мой брат).

Вариант предложения с нормативно-правильным пунктуационным оформлением: *Женя спросил Петю: «Кто придёт к тебе на День Рождения?»*. *Петя ответил: «Ну, там будет Саша, Миша, мой брат, моя сестра Аня»* (возможны разные пресуппозиции: а) *Миша – это мой брат*; б) *Миша и мой брат – это разные лица*).

Последнее предложение создавало больше коммуникативных помех, поскольку в этом случае запятая в большей степени «провоцировала» синтаксическую неоднозначность. Однако при традиционном подходе данный случай может рассматриваться и как ошибка гиперкоррекции [Парубченко 2001], неуместное употребление правила (в данном случае запятую можно заменить на тире).

Подобные примеры (пусть и достаточно редкие) демонстрируют, с одной стороны, помехообразующий потенциал отдельной пунктограммы, с другой стороны, вариативность пунктуационного оформления при синтаксической неоднозначности, а значит необходимость обучения носителей языка сознательному обнаружению и снятию такой неоднозначности.

Тем не менее, эти примеры не всегда точно отражают реальные факты, происходящие в процессе обыденной коммуникации, в которой заложены естественные способы устранения негативного влияния знаков препинания, при этом нормы пунктуации могут не соблюдаться, а общение было и будет успешным [Голев 2002]. Например, при написании СМС-сообщений мы вообще не всегда прибегаем к знакам препинания (по принципу экономии усилий), наша главная цель – чтобы информация была принята и адекватно понята читающим. Проблема состоит в следующем: в каких случаях пунктуация способствует, а в каких – препятствует коммуникативно-правильному пониманию текстов?

Для ответа на данный вопрос был смоделирован дизайн эксперимента, в котором проявлялось отношение читающего к знакам препинания и фиксировалось в его ответных репликах. Важно, что условия эксперимента были максимально приближены к ситуации естественного письменного общения, то есть соблюдались неофициальность коммуникативной ситуации, спонтанность речевых реакций, возможная ненормативность речи.

Экспериментальный блок состоял из 90 текстов на следующие пунктограммы: обособленное приложение, однородные члены предложения, обращение. Участники эксперимента получали тексты с потенциальной неоднозначностью в виде СМС-сообщений (каждый текст отправлялся только одному получателю, поскольку их содержание носило сугубо индивидуальный характер). Возможно, тексты

с данными пунктограммами воспринимались в каких-то случаях «искусственно», тем не менее, именно они включены в «круг правил, применение которых оказывается полезным для предупреждения неоднозначного понимания простых предложений» [Осипов 1992: 202].

В эксперименте приняли участие 90 человек в возрасте от 19 до 27 лет. Экспериментатор создавал такое пунктуационное оформление текстов, которое порождало ситуацию потенциальной неоднозначности, связанной с явлениями синтаксической омонимии и пунктуационного омографизма. Это позволяло проследить стратегию понимания конкретного сообщения, зафиксировать коммуникативный успех или коммуникативную неудачу. Под пунктуационным омографизмом (вслед за Н.П. Колесниковым [Колесников 1981]) мы понимаем совпадение функций знака препинания в одной и той же позиции в предложении, что порождает потенциальную синтаксическую неоднозначность. Например:

Привет, Маринка, Машина сестра, вроде, сегодня придет. А ты когда?

При сравнении синтаксических омонимов их пунктуационное оформление выполняет смыслодифференцирующую функцию. Например:

Привет, как дела? Ира, соседка по общежитию, спрашивала про ключ.
vs.

Привет, как дела? Ира, соседка по общежитию спрашивала про ключ.

Таким образом, тексты подбирались так, чтобы они могли интерпретироваться двумя способами в зависимости от пунктуационного оформления. В ходе анализа ответов испытуемых были выделены «факты» (выделяющиеся в тексте опорно-смысловые узлы [Дридзе 1969]), которые находятся в непосредственной смысловой связи с целью сообщения, коммуникативной интенцией автора сообщения. В качестве *правильной интерпретации* (с коммуникативной точки зрения) принималась пресуппозиция автора, то есть экспериментатора. Все *другие интерпретации* нами понимались как несоответствующие коммуникативному намерению экспериментатора.

Испытуемые потенциально могли отреагировать на сообщения-стимулы двумя способами: либо в соответствии с авторской интенцией (в этом случае фиксировался коммуникативный успех), либо не в соответствии с ней (в таком случае фиксировалась коммуникативная неудача). В первом случае реципиенты без затруднений порождали ответную вербальную реакцию (выражали согласие/несогласие, заинтересованность и др.). При наличии затруднений реципиент выражал, как правило, непонимание, недоумение или неспособность

идентифицировать количество актантов. Подобные реакции квалифицировалась нами как коммуникативные неудачи.

В данном эксперименте пунктуационное оформление текстов мы рассматривали не только с нормативной, но и с коммуникативной точки зрения. Коммуникативно-правильным пунктуационным оформлением мы считали то, которое положительно влияло на результат акта письменной коммуникации (коммуникативный успех, взаимопонимание пишущего и читающего), а также способствовало устранению коммуникативных помех. Коммуникативно-неправильное пунктуационное оформление могло быть верным с точки зрения правил и, тем не менее, могло быть причиной коммуникативной неудачи.

Такие «помехообразующие» ошибки целесообразно относить к разряду коммуникативных пунктуационных ошибок [Голев 2002]. Под этим рабочим термином мы понимаем либо пропуск знака препинания, либо неуместное его употребление, противоречащее реальному коммуникативному замыслу автора¹. Например, в следующем ниже предложении пропущенная запятая способна изменить изначальную коммуникативную интенцию пишущего:

Да ты его видела на последнем звонке. Они напротив сидели: такой низенький Олег, его девушка и он.

В данном примере автор СМС-сообщения имел в виду, что *такой низенький* и *Олег* – разные лица, являются однородными членами предложения, однако необходимая запятая им поставлена не была (отправитель предполагал, что получателю известно, о каком *Олеге* идет речь, и характеристика *такой низенький* является избыточной). Однако в ходе эксперимента читающий первоначально понял смысл этого сообщения по-другому, с иной пресуппозицией (*такой низенький – это и есть Олег*). Рассматривая подобные примеры, мы должны иметь в виду, что, с одной стороны, в самом механизме обыденной коммуникации заложены естественные способы ограничения негативных последствий синтаксической неоднозначности (контекст, языковое чутье), при этом носитель языка далеко не всегда идентифицирует и различает в тексте синтаксические омонимы [Шкурко 2011: 110]. С другой стороны, ситуация неоднозначности является своеобразной экспериментальной площадкой для проверки коммуникативной надежности пунктуационного оформления подобных предложений. Следует учесть и то, что ни пишущий, ни читающий не застрахован от возможного игнорирования знаков препинания в обы-

¹ В лингвистической литературе встречается понятие ошибка гиперкоррекции – неуместное применение правила.

денной коммуникации, что представляет собой особую проблему для исследователя.

Результаты эксперимента представлены в следующей таблице.

Таблица 1. Влияние пунктуационного оформления текстов СМС-сообщений на их понимание

Вариант пунктуационного оформления	Коммуникативный успех (% реакций)	Коммуникативная неудача (% реакций)
Тексты с нормативной пунктуацией	53,3%	46,7%
Приложение	60%	40%
Обращение	40%	60%
Однородные члены	60%	40%
Тексты с пунктуационными ошибками	61,1%	38,9%
Приложение	43,3%	56,7%
Обращение	80%	20%
Однородные члены	60%	40%

В вариантах текстов, содержащих обособленные приложения, при нормативно правильной постановке знаков препинания на долю коммуникативного успеха приходится 60% реакций, при пунктуационных ошибках – 43,3 %.

При нормативном отделении обращений коммуникативный успех достигается в 40% случаев, при ненормативном - в 80%, что является статистически значимым ($p < 0,0001$).

Что касается оформления однородных членов предложения, как при нормативной, так и ненормативной пунктуации коммуникативный успех достигается в 60% случаев.

Эксперимент показал, что в целом и нормативное, и ненормативное пунктуационное оформление не позволяет испытуемым полностью разрешить синтаксическую неоднозначность СМС-сообщений. Исключение составляет ненормативная пунктуация при обращении. Действительно, если оценить предложения типа «Привет, Костя, наш сосед, вроде как, собирается покупать вашу квартиру и делать отдельный подъезд» vs. «Привет Костя, наш сосед, вроде как, собирается покупать вашу квартиру и делать отдельный подъезд», то во втором примере Костя в большинстве случаев будет интерпретироваться именно как обращение.

В пунктограммах на однородные члены предложения и обособленное приложение пунктуационный фактор, по-видимому, не играл решающей роли в разрешении синтаксической неоднозначности. Например, следующие предложения обладали одинаковым помехообразующим потенциалом:

Не много потеряла, нас там мало было: Саша с Андреем, Клава, Наташка, ее сестра, Денис с девушкой.

Жди с фотографиями возле ЦУМа. Скоро подойдут Игорь высокий парень и девушка (с цветами).

Предполагаем, что в ходе анализа подобных конструкций носитель языка перераспределяет синтаксические и семантические связи между элементами предложения в соответствии с собственной предсуппозицией, содержанием и целью высказывания, стилем речи, эмоциональной окрашенностью и в последнюю очередь – с пунктуационным оформлением. Стратегии разрешения неоднозначности и когнитивные механизмы анализа подобных предложений, несомненно, требуют дальнейших экспериментальных исследований.

Особо отметим необходимость изучения «пунктуационного фактора» в разрешении синтаксической неоднозначности разного типа в русском языке с позиции действующей литературной нормы. Для построения типологии коммуникативных пунктуационных ошибок в условиях синтаксической неоднозначности следует привлекать иной материал исследования – пунктуационную практику «компетентных» носителей языка.

Литература

1. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение: пособие для учителей. – М., 1979.

2. Власов М.С. Теоретико-экспериментальное исследование процессов порождения и восприятия «естественной» пунктуации (на материале русского и английского языков). - Бийск, 2008.

3. Голев Н.Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века: материалы международной научной конференции. – Т. 1. – Кемерово, 2002. – С. 146–160.

4. Голев Н.Д., Басалаева М.Ю. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) // Вестник Кемеровского государственного университета. – Вып.4 (44) – Кемерово, 2010. – С.128–133.

5. Голев Н.Д. Мифология обыденного метаязыкового сознания, порожденная особенностями владения и овладения пунктуационными нормами русского языка // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. – №2. – 2013. – С. 30–37.

6. Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности предложений с определительным придаточным в русском языке: дис... канд. филол. наук. – Москва, 2007.

7. Дридзе Т.М. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста // Психологические и пси-

холингвистические проблемы владения и овладения языком. – М., 1969. – С. 92–103.

8. Колесников Н. П. Пунктуационный омографизм // Синтаксическая омонимия в простом предложении. - Ростов-на-Дону, 1981. – С. 116–127.

9. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: дис... докт. филол. наук. – Воронеж, 2007.

10. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск, 1992.

11. Парубченко Л.Б. Почему дети делают ошибки и как их научить писать правильно: учебное пособие по грамматике и правописанию для средней школы / отв. ред. Л.Н. Булатова. – М.: Изд-во «Реал-А», 2001.

12. Парубченко Л.Б. Языковая многозначность и пунктуация // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 8–10 июня 2002г.). - М.: Изд-во ИРЯ РАН, 2003. – С. 265–267.

13. Тискова О.В. Проблема влияния пунктуации на письменно-речевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов): дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004.

14. Федорова О.В., Юдина М.В., Янович И.С. Синтаксическая неоднозначность в эксперименте и в жизни // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007». – М.: Изд-во РГГУ, 2007. – С. 605–609.

15. Шкурко Е.В. Синтаксическая омонимия и способы предупреждения ее возникновения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – 2011. – № 2. – Ч. 2. – С. 109–113.

16. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.

Е.О. Захарова,

кандидат филологических наук, доцент Национального
исследовательского Томского политехнического университета

ПУНКТУАЦИОННЫЕ И ПУНКТУАЦИОННО-ГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Закономерности функционирования пунктуационных знаков в текстах разной дискурсивной принадлежности составляют основу особого направления пунктуационных исследований – «пунктуации текста». Актуальность развития данного направления на современном этапе обусловлена тем, что в практике печати складываются новые тенденции к употреблению пунктуационных знаков [1–2], вызванные рядом объективных лингвистических и экстралингвистиче-

ских факторов: естественным развитием пунктуационной системы, либерализацией письменного языка, влиянием электронной коммуникации и совершенствованием полиграфических технологий. Разные типы текстов в разной степени открыты для формирования на собственной основе и проникновения извне новых пунктуационных тенденций. Наибольшей степенью открытости в данном смысле обладают, на наш взгляд, рекламные тексты.

В центре настоящего исследования – проблема нестандартного, экспрессивного, творческого употребления знаков препинания в современном рекламном тексте. Акцент делается на изучении и описании сложившейся подсистемы средств пунктуационной выразительности в рекламном тексте (экспрессивных пунктуационных приёмов), а также на выявлении случаев взаимодействия пунктуационных и иных графических средств (пунктуационно-графических приёмов). Исследование проводится на материале рекламных текстов из центральных¹ и региональных² периодических изданий, в основном за 2006–2009 гг. В ряде случаев для анализа привлекается Интернет-реклама.

Для данной работы чрезвычайно важен опыт предшествующих исследований, касающихся вопросов функционирования пунктуационных знаков в текстах русскоязычной рекламы в собственно языковом [3] и параграфемном [4] аспектах. Положения лингвистов о том, что знаки препинания способствуют «повышению эмоциональной окраски текста», «усилению рекламного призыва» и «приближению объявления к ритму и стилю устно-разговорной речи» [3. С. 161], сформулированные на основе анализа рекламы советского периода, справедливы и по сей день. Однако постепенное усложнение рекламной коммуникации (от информационного сообщения к манипулятивному произведению), формирование и заимствование новых жанрово-стилистических черт приводят к усложнению «пунктуационного рисунка» рекламного текста и, следовательно, функционального потенциала знаков препинания. Заметной чертой рекламы становятся *экспрессивные пунктуационные приёмы*, под которыми понимаются различные способы создания экспрессии за счёт целенаправленного нестандартного, т. е. отклоняющегося от грамматических норм, но коммуникативно-обусловленного употребления знаков препинания

¹ Центральные периодические издания: газеты «Аргументы и факты» (АиФ), «Комсомольская правда» (КП), «Жизнь»; журналы «Вокруг света», «Гео», «Здоровье», «Лиза», «Лиза. Добрые советы», «Лиза. Мой ребёнок» и др.

² Региональные издания: рекламно-информационные издания «Супермаркет «33 желания», «Телесемь. Томск», газета «Реклама».

и комплексов знаков. Наблюдения показывают, что конструирование многих пунктуационных приёмов в рекламе идёт по уже сложившимся в художественной и публицистической речи образцам; некоторые же приёмы можно считать специфическими, характерными лишь для рекламных текстов. Важно также учитывать, что многие необычные случаи употребления знаков препинания в рекламе обусловлены высокой степенью её креолизованности. Подход к рассмотрению пунктуации рекламного текста как части его параграфематики позволяет учесть и объяснить самые нестандартные случаи употребления знаков, направленные на графическое выделение в тексте отдельных слов, частей слов, репрезентацию не выраженных вербально понятий [4]. Материал современных рекламных текстов позволяет выявить примеры ещё большей включённости знаков препинания в систему параграфемных средств, что проявляется в их тесном взаимодействии и освоении общих функций. Мы полагаем, что в подобных случаях можно говорить о формировании ряда специфических *пунктуационно-графических приёмов*, повышающих эффективность восприятия рекламного текста.

Экспрессивные пунктуационные приёмы рекламного текста.

При анализе экспрессивных пунктуационных приёмов в рекламном тексте мы опираемся на классификацию приёмов Л.А. Будниченко, созданную применительно к текстам газетной публицистики [5. С. 208–263]. Специфика данной классификации состоит в том, что в неё включены самые разнообразные способы создания экспрессии на пунктуационном уровне: от широко распространённых до имеющих узкоспециализированную сферу употребления. Главным признаком любого приёма является целенаправленное коммуникативно и прагматически оправданное отклонение от действующего пунктуационного стандарта. Часто это происходит за счёт употребления знака препинания в несвойственной ему позиции, когда, например, более сильный знак употребляется в позиции более слабого или когда знак препинания употребляется там, где правилами вовсе не предусмотрена постановка какого-либо знака. Отклонением от стандарта, по мнению автора, можно считать также устойчивые пунктуационные комплексы («?!», «!?!», «?..», «!..» и др.), поскольку в этих случаях происходит усложнение интонационного и смыслового плана высказывания. Действенными оказываются и схемы пунктуационного повтора, когда один и тот же знак употребляется для оформления ряда последовательно идущих конструкций, например в случае последовательного употребления нескольких вопросительных знаков или точек при парцелляции.

Близость публицистических и рекламных текстов, их сосуществование на страницах газет и журналов сказываются на общности многих средств, которыми они образованы. Вместе с тем специфика двух видов дискурса накладывает свой отпечаток на особенности их функционирования. В соответствии с авторской классификацией в работе последовательно рассматривается каждая из четырёх групп приёмов: конструктивных, эмотивных, комбинированных, контаминированных. Приёмы разных групп представлены в рекламе неравномерно: одни приёмы более употребительны, чем другие, некоторые вообще отсутствуют (например, приём **антипарцелляции**), что объясняется специфическими задачами рекламной коммуникации.

К наиболее распространенным в рекламе приёмам можно отнести следующие:

- парцелляция, дубитация, приём «рублёного» заголовка (группа конструктивных приёмов);
- комбинации одинаковых и различных эмотивных знаков «!!!», «?..», «!..» (группа эмотивных приёмов);
- комбинация «(!)» (группа комбинированных приёмов);
- пунктуационно-союзные взаимодействия (группа контаминированных приёмов).

Приём **парцелляции**, известный приём экспрессивного синтаксиса, может быть представлен и как пунктуационный приём, поскольку для его фиксации на письме требуется нестандартное пунктуационное решение – постановка знака конца предложения (точки) в середине предложения. Парцеллированные члены всегда предстают как рематически значимые и содержащие важную с точки зрения адресанта информацию: *Чистая красота. Вне времени. Техника по уходу за бельём от Miele. Время не оставляет на ней следов. Как и на Ваших вещах* (Реклама стиральной машины. Гео. 2007. № 4). Подача информации отдельными порциями способствует, к тому же, её лучшему усвоению и запоминанию, что и является основной задачей рекламиста.

Приём **дубитации** представляет собой ряд вопросов к воображаемому собеседнику, как правило, содержащих оттенки сомнения, неуверенности, предположения («doubt» в переводе с английского означает «сомнение»). Постановка такого рода вопросов в рекламе может показаться нежелательной, однако выявленные примеры свидетельствуют об употребительности и эффективности данного приёма. С его помощью автор рекламы может заставить потребителя усомниться в качестве аналогичных товаров других производителей, тем самым подтолкнуть его к выводу о том, что рекламируемый товар выгодно

от них отличается: *Выбирая мясорубку, задумайтесь: долго ли она вам прослужит? Не подведёт ли в самый неподходящий момент? Будет ли она такой же прочной и надёжной, как мясорубка Panasonic?* (Реклама мясорубки. Лиза. 2005. № 51). Законом о рекламе запрещено прямое сравнение рекламируемого товара с товарами конкурентных марок. Приём дубитации позволяет провести скрытое сравнение и подвести потребителя к желательным для рекламодателя выводам.

Приём **«рублёного» заголовка** – специализированный и широко распространенный приём в сфере газетной публицистики, предполагающий вынесение в заголовок двух усечённых конструкций, отражающих суть текста, и разделение их с помощью двоеточия. Данный приём позволяет стилизовать рекламное сообщение под актуальную, познавательную статью или заметку: *Старение кожи: взгляд изнутри* (Реклама косметики. Лиза. *Добрые Советы*. 2008. № 10); *Остеопороз у мужчин: выявить, чтобы предотвратить* (Реклама средства от остеопороза. *Здоровье*. 2007. № 11).

Комбинация восклицательных знаков, как правило трёх, позволяет графически и интонационно выделить в тексте наиболее важные слова и выражения, содержащие как положительную, так и отрицательную оценку. Акцентирование слов и выражений с отрицательной эмоциональной оценкой особенно распространено в рекламе лекарственных препаратов и услуг страхования. Повторение комбинации восклицательных знаков в рамках одного текста способствует повышению его общего эмоционального накала: *Заболевание суставов – чума XXI века!!! РЕШЕНИЕ ЕСТЬ!!! Теперь и в России появился препарат «АРТРОСФЕРЫ» всемирно известной французской лаборатории «Групп Мишель Идерн», международного лидера по производству натуральных медицинских препаратов!!! Он поможет всем страдающим суставными заболеваниями в кратчайшие сроки!!! <...>* (Реклама препарата для лечения заболеваний суставов. *АиФ*. 2008. № 14).

Апелляция рекламы к эмоциям реципиента создаёт условия для употребления и других пунктуационных приёмов с участием эмоциональных знаков. Пунктуационные приёмы, включающие разные эмоциональные знаки, способствуют усложнению эмоционального плана контекста. Типичные для рекламного текста **восклицательный и вопросительный знаки** часто употребляются в комплексе с **многоточием**, которое указывает на эмоционально-окрашенную оценку вопроса или восклицания. Например: *Аквалор возвращает людям, страдающим аллергией, радость свободного дыхания. А что может быть важнее весной, когда весь мир дышит свежестью и новизной?.. <...>* (Реклама средства от аллергии. Лиза. *Добрые Советы*. 2008.

№ 4). Пауза, вводимая многоточием, позволяет заострить внимание на вопросе, который, по сути, содержит и эмоциональное утверждение. Сравните ещё: *Хронические заболевания органов пищеварения, приём антибиотиков, плохая экология, стрессы!.. Этими явлениями уже мало кого удивить <...>* (Реклама препарата от дисбактериоза. Лиза. *Добрые Советы*. 2008. № 3). С помощью пунктуационного комплекса эмфатически выделяется последний, наиболее значимый и актуальный элемент перечислительного ряда.

Восклицательный знак, заключённый в скобки, как правило, употребляется рядом с той частью высказывания, которую необходимо особым образом выделить и которой необходимо сообщить определённую оценку. Так, в следующем примере приём позволяет подчеркнуть быстроту обслуживания клиентов строительного магазина. *<...> Уже через час (!) весь нужный вам товар загрузят в машину, привезут, поднимут на этаж, занесут в вашу квартиру* (Реклама строительного магазина. Супермаркет «33 желания». 2008. № 28).

Наиболее распространенным случаем **союзно-пунктуационного взаимодействия** в рекламе является взаимодействие тире или многоточия и сочинительного союза «и». Знаки препинания, занимая позицию до или после союза, разрывают целостность высказывания, дистанцируют союз по отношению к однородным членам предложения, основной или присоединительной его части. Результатом этого становится логическая и/или эмотивная актуализация присоединяемых элементов: *Всего одно прикосновение – и Magnifica приготовит насыщенный итальянский эспрессо. Всего одно прикосновение – и вы получите восхитительный капучино с изумительной молочной пеной!* (Реклама кофемашины. Гео. 2006. № 12). Постановка знака препинания после союза указывает, в первую очередь, на неожиданное продолжение высказывания и дополнительно может также передавать оттенок невероятности, указывать на высокую эффективность рекламируемого средства: *Пьёте приятный напиток в течение дня и... стремительно худеете.* *<...>* (Реклама средства для похудения. АиФ. 2008. № 21).

Специфические для рекламы экспрессивные пунктуационные приёмы. Реклама располагает возможностями к конструированию оригинальных пунктуационных приёмов. Одним из таких приёмов можно считать **дистанцирование с помощью многоточия и абзацного отступа частей высказывания:**

Для энергии весенней...

...в рацион добавьте зелень!!! (Реклама корма для кошек. Лиза. 2007. № 30);

Первые зубки без боли...

...Дентинокс гель разработан специально для облегчения прорезывания зубов (Лиза. Мой ребёнок. 2007. № 12).

Первое многоточие употребляется в качестве маркера структурной и смысловой неполноты первой части высказывания; второе – как графический показатель семантической привязанности второй части к предыдущей (даже если структурно они не взаимосвязаны). Приём позволяет актуализировать каждую из разделённых частей, вносит в повествование прерывистость, интригу; позволяет подчеркнуть уникальность коммерческого предложения.

Характерная для рекламы свобода в использовании и сочетании средств позволяет изменять порядок сочетаемости знаков в традиционных экспрессивных пунктуационных комплексах с участием эмоциональных знаков, что даёт возможность варьировать передаваемые ими значения.

1. Перестановка знаков в комплексе «?!»:

*Где взять деньги на учёбу в вузе? Согласно статистике уже сегодня до 30% мест в государственных вузах отдано под коммерческие отделения. <...> **Что же будет дальше, когда ваш сын или дочка подрастут!?** Несмотря на то, что Министерство образования и науки каждый год обещает, что платное высшее образование нашей стране не грозит – жизнь доказывает обратное. <...>* (Реклама программы страховой компании. Телесемь. Томск. 13–19.10.08). Восклицательный знак позволяет подчеркнуть негодование адресанта по поводу складывающейся ситуации, указывает на остроту проблемной ситуации; вопросительный знак концентрирует на этом внимание адресата, побуждает задуматься.

2. Перестановка знаков в комплексе «?...», осложнение комплекса тройным вопросительным знаком: *У Вас артрит, остеопороз, переломы...??? Выход есть – разработка Центра им. Илизарова!!!* (АиФ. 2009. № 5). При этом также не соблюдаются правила объединения знаков: общие элементы знаков (точки) не накладываются, как это должно быть, друг на друга, а употребляются последовательно друг за другом. Многоточие, идущее впереди, создаёт напряжённую паузу перед интонацией вопроса, концентрируя внимание на указанных проблемах со здоровьем. Комбинация вопросительных знаков употребляется для усиления эмоционально-напряжённого контекста и дополнительной передачи чувства тревоги и безысходности. Всё это служит фоном для представления уникальной разработки российских учёных, которая предлагается в качестве выхода из проблемной ситуации.

3. Перестановка знаков в комплексе «!..» и осложнение приёма разрывом конструкции после сочинительного союза: *Мечта объехать весь средиземноморский юг Франции становится реальностью! Пока ещё хорошая погода – летим в Европу, там берём автомобиль в аренду и...! Реальность рядом – достопримечательности Прованса: Лазурный берег – Авиньон, государство Монако, Марсель, интересные ландшафты* (Реклама GPS-навигатора. Вокруг Света. 2008. № 10). Здесь также имеет место нарушение сочетания знаков с совпадающими элементами. Высокая степень экспрессивности достигается за счёт обрыва синтаксической конструкции после союза «и». Постановка восклицательного знака создаёт эффект «напряжённо-торжественной паузы».

Отступление от сложившихся традиций объединения знаков в рассмотренных выше пунктуационных комплексах обусловлено, вероятно, особой ролью графического облика печатной рекламы, возможностями его свободного варьирования в целях выделения рекламы на фоне других текстов газетной и журнальной полосы и активизации внимания читателя. Это также создаёт возможность включения в структуру печатного текста некоторых «избыточных» элементов, например специфических знаков электронной коммуникации – смайлов (от английского слова «smile» – улыбка). Смайлы дополняют эмоциональный план высказывания, указывая, как правило, на положительную оценочность, одобрение пишущим чего-либо, его стремление вызвать положительные эмоции реципиента: *Хорошая машина и в гололёд, и на размытой дождём грунтовке, и в глубокой грязи всегда чувствует себя как рыба в воде. Может, поэтому Нива так любима рыбаками!?:)* (Вокруг Света. Март 2007. № 3). Примечательно, что смайлы, совместно с традиционными пунктуационными средствами или вместо них (что потенциально возможно не только в электронном, но и в печатном тексте), маркируют относительно законченные по смыслу высказывания, тем самым осваивая функции знаков препинания.

В рекламном тексте можно выделить и другие весьма специфические приёмы, **основанные на взаимодействии пунктуационных и иных графических средств**. Как правило, подобного рода приёмы конструируются с участием семантизированных – восклицательного и вопросительного – знаков.

1. Взаимодействие пунктуационного знака и шрифтового выделения для визуализации какого-либо значимого элемента слова: *nУХ!овики* (Реклама. 2008. № 38).

2. Взаимодействие пунктуационного знака и цифры для выражения какого-либо понятия или идеи. Например, в рекламе нового та-

рифа компании мобильной связи МТС «Супер Ноль» на красном фоне изображён ноль, маркированный восклицательным знаком, что передаёт идею высокой экономической выгоды данного тарифа (Супермаркет «33 желания». 2009. № 35).

3. Взаимодействие пунктуационного знака и изображения. Семантизированные знаки могут быть представлены в виде каких-либо изображений. Например, восклицательный знак в рекламе корма для кошек Kitekat после призыва «*Держи хвост морковкой*» изображён в виде моркови (КП 14–21.08.08). Особый интерес представляет реклама средства против выпадения волос Alerana. Жирным шрифтом на странице выведена надпись: «*Сегодня я буду самой красивой*» (Лиза. 2007. № 41). Однако над точкой, поставленной после данного утверждения, – выпавший волос, изгиб которого имитирует часть пунктуационного знака вопроса. В первом случае оригинальное изображение восклицательного знака указывает на новый вкус продукта: рекламируется корм для кошек с овощами. Во втором случае создатель рекламы очень деликатно, но в то же время действенно обозначает потенциальную или уже существующую проблемную ситуацию, связанную с выпадением волос.

В Интернет-рекламе, сочетающей черты печатной и видео-рекламы, текст и изображение часто подвижны. Узкого рекламного баннера на экране может быть достаточно для предъявления необходимого объёма информации: разные элементы текста могут предъявляться постепенно, сменяя друг друга. Оригинальным примером служит объявление «Уникальное предложение от Vneshka.ru», расположенное на одном из Томских сайтов: через некоторое время после предъявления вербального текста появляется необычный салют из восклицательных знаков.

Итак, рекламный текст – новый, активно развивающийся тип текста, постоянно интегрирующий новые способы подачи и сегментирования информации. Пунктуации в этом отводится немаловажная роль. Проанализированный материал позволяет утверждать, что в рекламе сложилась особая подсистема средств пунктуационной выразительности, представленная экспрессивными пунктуационными и пунктуационно-графическими приёмами. Первая категория приёмов во многом универсальна, поскольку многие приёмы изначально получили распространение в художественной и публицистической речи, а уже затем были адаптированы рекламой и подчинены реализации её специфических задач. Вместе с тем определённая свобода в использовании и сочетании средств, которыми образована реклама, создает возможности для конструирования на её основе новых пунктуацион-

ных приёмов, как правило, с участием эмотивных знаков. Креолизованный характер рекламы накладывает свой отпечаток на специфику функционирования пунктуационных знаков. В ряде случаев можно говорить о формировании некоторых закономерностей сочетания знаков препинания и других графических элементов рекламного текста и, следовательно, о формировании особых пунктуационно-графических приёмов, повышающих эффективность восприятия рекламного текста.

Литература

1. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.
2. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М.: Академия, 2006. 256 с.
3. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Наблюдения над пунктуацией в тексте рекламы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 159–169.
4. Дзякович Е.В. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27. С. 140–145.
5. Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 283 с.

Л.П. Гашева,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и методики преподавания русского языка
Челябинского государственного педагогического университета

Е.М. Хакимова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой
коммуникации Южно-Уральского государственного университета

КАВЫЧКИ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кавычки относятся к числу знаков препинания, выполняющих ряд семиологических функций: выделительную, предупредительную, модальную и метаязыковую [5]. Отмеченная многофункциональность создаёт определённые трудности для носителей языка. Исследователи отмечают, что использование данного знака препинания в ряде случаев требует от пишущих определённой лингвистической подготовки и развитого языкового чутья. Если авторы не обладают указанными качествами, в их текстах появляются пунктуационные

нарушения. Цель нашей статьи состоит в изучении ненормативного употребления кавычек в современных русскоязычных текстах массовой коммуникации. В ходе исследования использовался метод объяснительного описания, опирающийся на структурно-семантический анализ компонентов, выделенных посредством кавычек. Эмпирическую базу составили: 1) публикации в российских изданиях «Аргументы и факты», «Вечерний Челябинск», «Комсомольская правда»; 2) тексты, подготовленные студентами Южно-Уральского государственного университета для корпоративного издания кафедры массовой коммуникации «PR-брейк»; 3) сообщения, размещённые на сайте Южно-Уральского государственного университета в 2006–2011 гг.

Пунктуационные девиации, выявленные в ходе анализа указанного материала, можно разделить на две группы.

1. Ошибки при использовании кавычек как знака осознанного отступления от языкового стандарта. Кодификаторы рекомендуют выделять слова в необычных, условных, иронических употреблениях. Кавычки позволяют эксплицировать важную авторскую интенцию: пишущий ощущает нестандартность номинации и хочет предупредить об этом партнёра по коммуникации.

Данный знак совершенно необходим, когда его отсутствие изменяет смысл высказывания: *Мошенники через CNN «убили» Джонни Денна* (Комсомольская правда. 2010. 27 января). Здесь глагол *убили* заключён в кавычки вполне правомерно, поскольку в публикации речь идёт о размещении на сайте CNN ложной информации о смерти артиста. Оправданно появление знака препинания и в том случае, если автор выходит за границы регулярных ассоциаций: *«Мокрые» старты* (Аргументы и факты. 2010. 10–16 марта); приведённое словосочетание выполняет функцию перифраза, обозначающего соревнования пловцов.

Однако если актуализированное значение слова стало общеупотребительным и нашло отражение в словарях, исходный образ утрачен, а использование кавычек на содержании сообщения, в сущности, не отражается, то знак, по нашему мнению, является избыточным: **У него есть свой «ответ» на то, что происходит с нашим обществом* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=43>). В данном высказывании выделена лексема, многозначность которой кодифицирована. Так, в словаре С.И. Ожегова указывается, что ответ – это «отклик на что-н., действие, выражающее отношение к чему-н. *Наши успехи – лучший о. клеветникам*» [3, с. 598]. Примечательно, что в приведённом примере кавычки отсутствуют.

Ещё более очевидно нарушение пунктуационной нормы в тех случаях, когда автор выделяет кавычками однозначное в литературном языке слово, хотя употребляет его в полном соответствии с лексическим стандартом: **Другим патологическим заболеванием является зоб (несколько разновидностей: ко-лойдный, эндемический), «возникающий» из-за недостатка йодосодержащих веществ* (Аргументы и факты. 2010. 24 февраля – 2 марта). Причастие *возникающий* является неспрягаемой формой глагола *возникать* – ‘начинаться, образовываться, зарождаться’ [3, с. 115]. Слово регулярно употребляется в современных текстах, никаких семантический сдвигов при его использовании в приведённом предложении не наблюдается, стилистическая окраска лексемы вполне соответствует контексту, следовательно, оснований для выделения рассматриваемой языковой единицы кавычками нет.

2. Нарушения при употреблении условных наименований, к числу которых относятся:

1) названия произведений. Для нормативной постановки кавычек носителю языка важно учитывать ряд моментов.

- Произведения, названия которых подлежат выделению, бывают не только литературными (роман «Война и мир»), но и музыкальными (опера «Хованщина»), живописными (картина «Чёрный квадрат»), научными (монография «Антиномии русской орфографии») и др. Осваивая филологические дисциплины в рамках школьного курса, носители языка привыкают заключать в кавычки названия литературных текстов, но иногда пропускают этот знак препинания, если содержание речи связано с произведениями из других сфер человеческой деятельности: **Тема работы: «Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты)»* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=63>).

- Кавычки не должны употребляться, если название произведения выполняет функцию заголовка. Так, неправомерно заключено в кавычки название рекламного сообщения **«Прогрессивное лечение новообразований»* (Аргументы и факты. 2010. 24 февраля – 2 марта). Подобные употребления следует отличать от цитат и квазичитат, предполагающих постановку кавычек. Так, в качестве названия публикации о Булгакове используется фраза из его письма к В. Вересаеву *«Поставить точку, выстрелив в себя»* (Аргументы и факты. 2010. 10–16 марта); заключение процитированного фрагмента в кавычки соответствует норме. Вполне предсказуема постановка данного знака в заголовках материалов, размещённых в рубрике «Прямая речь»:

«Я не считаю верность важной для семьи» (Комсомольская правда. 2010. 27 января); ср. с репликой Анджелины Джоли в тексте: *Я не считаю супружескую верность столь важной в супружеских отношениях*. В приведённых примерах кавычки являются знаком чужой речи, пунктуационным средством выражения категории персональности, поэтому их использование функционально обоснованно;

2) названия организаций, предприятий, учреждений, СМИ и т. д. В словарях и справочниках указывается, что соответствующие языковые единицы следует заключать в кавычки: *политическое движение «Женщины России», концерн «Газпром», трест «Трансэнергомонтэж», телерадиокомпания «Останкино»* и др. [2, с. 31; 4, с. 291]. Список объектов, наименования которых оформляются в соответствии с данным правилом, не закрыт. По нашему мнению, это предписание должно распространяться и на обозначения реалий, связанных с общественными мероприятиями: **Путем тайного голосования был выбран обладатель приза зрительских симпатий, а организаторами были определены специальные номинации: _медиаобраз_, _медиастиль_, _медиадрайв_, _медиаобаяние_, _медиапрофи_* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=75>).

Примечательно, что сочетания, включающие кавычки, состоят из родового термина и собственного имени, причём второй компонент, имеющий форму именительного падежа, примыкает к первому. Кодификаторы отличают такие названия от тех наименований, которые «не имеют условного характера, например: *Российский государственный гуманитарный университет, Московский театр кукол, Институт языкознания Российской академии наук*» [4, с. 291]. Для второй группы употребление кавычек не предусмотрено.

Как показывают наши наблюдения, значимая для специалистов дифференциация носителями языка в ряде случаев не учитывается, и это обусловлено объективной сложностью лингвистической задачи. Для принятия правильного решения необходимо прежде всего определить способ синтаксической связи между компонентами наименований. Данная операция позволяет выявить важные, но не всегда очевидные структурные характеристики рассматриваемых сочетаний. Например, в предложениях **Традиция проведения мероприятия родилась на «Радио ЮУрГУ» в 2009 году* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=69>) и **В качестве основных задач создатели «Радио Элевэйт» называют, с одной стороны, освещение университетской жизни, а с другой, создание хорошего настроения* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=36>) кавычками выделены единицы, организованные по разным синтаксическим моделям.

Радио ЮУрГУ – это сокращённый вариант полной номинации *Радио Южно-Уральского государственного университета*, в которой главный компонент управляет зависимым. Перед нами безусловное наименование, поэтому использование кавычек при его употреблении ненормативно. Допущена ошибка и во втором предложении, но это нарушение другого рода: в кавычки следует заключить только условный компонент *Элевейт*, примыкающий к предшествующей лексеме;

3) названия технических изделий, медицинских препаратов и аппаратов, продовольственных товаров и т. д. В справочниках по пунктуации указывается, что данные единицы, если они не являются общеупотребительными наименованиями, следует заключать в кавычки. Это предписание нарушено при постановке знаков препинания в предложении **Спрей _Эуфорбиум компози-тум_ – наиболее эффективный гомеопатический спрей от насморка* (Аргументы и факты. 2010. 10–16 марта).

Нередко торговые названия создаются на базе свободных сочетаний. Авторы рекламных сообщений стремятся использовать формальное совпадение собственного и нарицательного имени в качестве средства языковой игры, однако такие попытки не всегда бывают удачными. В качестве примера приведём публикацию *«Глазной мёд «Ясный взгляд» с маточным молочком»* (Вечерний Челябинск. 2010. 26 февраля). Употребление кавычек и прописной буквы является знаком того, что речь идёт о товаре определённой торговой марки. Актуализация данного значения, вполне уместная в приведённом заголовке, придаёт двусмысленность высказыванию **Специалисты ООО РНПЦ «Башкирский мёд» предлагают вам этот уникальный продукт, использование которого поможет сохранить «Ясный взгляд» на многие годы*. Поскольку возникшие ассоциации едва ли соответствуют интенциям адресанта, признать нормативным использованный пунктуационный вариант нельзя. Ошибки такого типа свидетельствуют о том, что дифференциация собственных и нарицательных имен иногда представляет собой непростую для носителей языка аналитическую операцию.

Граница между указанными группами единиц характеризуется принципиальной пластичностью: собственные имена становятся нарицательными и наоборот. Ортология требует, чтобы этот процесс сопровождался пунктуационными колебаниями: названия товаров, вошедших вследствие многолетнего употребления в широкий обиход, кавычками выделяться не должны. Употребление знака препинания, таким образом, связано с категорией «непривычное», тогда как его отсутствие соотносится с «привычным». Следуя данной логике, необ-

ходимо внести изменения в пунктуационное оформление предложения: **Одним из самых запомнившихся мне памятников был посвящён _Трабанту_, знаменитой ГДРовской малолитражке, о которой было сложено масса анекдотов, как и о нашем запорожце, этой машине даже удалось попасть в книгу рекордов Гиннеса, но это другая история (PR-брейк. 2011. Декабрь).* Без кавычек здесь может употребляться только лексема *запорожец*, но не слово *Трабант*, поскольку последнее неизвестно российской аудитории. Примечательно, что, судя по пояснению, автор осознаёт экзотичность использованного языкового средства, хотя и не маркирует его пунктуационно.

Отступлением от пунктуационного стандарта при употреблении условных наименований является, на наш взгляд, пропуск одного из графических элементов парного пунктуационного знака. Элиминация происходит на стыке внешних и внутренних кавычек: **Праздничный телемарафон «_ЮУрГУ-ТВ_» для вас!»* *прошел в актовом зале университета* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=34>). В данном предложении использованы наименования телевизионной передачи и средства массовой информации. В соответствии с правилом каждая из этих единиц должна заключаться в кавычки. Мы полагаем, что при контактном использовании все составляющие знаков препинания целесообразно сохранять. При этом принципиальным условием нормативного употребления является обращение к разным графическим вариантам кавычек – «ёлочкам» и «лапкам»: *телемарафон «_ЮУрГУ-ТВ_» для вас!»*.

Следует отметить, что не все филологи считают пропуск одного из элементов на стыке внешних и внутренних кавычек нарушением нормы. Так, авторы справочно-информационного портала «Грамота.ру» указывают, что у пишущих не всегда есть техническая возможность использовать кавычки разного рисунка, и предлагают рассматривать редуцированный пунктуационный вариант как допустимый [1]. Нам же представляется, что отказ от употребления открывающих и закрывающих кавычек в ряде случаев обусловлен не техническими причинами, а стремлением к экономии времени и усилий. Однако пунктуационная редукция снижает степень структурированности письменного высказывания, поэтому в официальной публичной речи, по нашему мнению, предпочтителен полный пунктуационный вариант.

Литература

1. Как правильно употреблять кавычки (часть первая) [Электронный источник]. – URL: <http://www.gramota.ru/spravka/letters/?rub=kav> (дата обращения: 19.11.2013).

2. Лопатин В.В. Прописная или строчная? Орфографический словарь [Текст] / В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. – М., 2007. – 512 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М., 2004. – 1200 с.

4. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование [Текст] / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. – М., 2008. – 768 с.

5. Шварцкопф Б.С. О факультативных случаях употребления кавычек [Текст] / Б.С. Шварцкопф // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 190–214.

Н.В. Стренева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
естественнонаучных и инженерно-технических специальностей
Оренбургского государственного университета

ПУНКТУАЦИЯ В ГРАФФИТИ

В последнее время появляется все больше работ, посвященных изучению различных сторон «живой» коммуникации, в частности описанию разговорной речи. В практике филологических исследований укрепилась тенденция смыслового и семантико-структурного изучения текста. Наиболее популярны и детально развиваются подходы к тексту, сформулированные в работах М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, И.Р. Гальперина, О.И. Москальской, И.В. Арнольд, Н.В. Черемисиной и др.

Б.Ю. Норманн предметом своего изучения видит «лингвистику каждого дня». Его интересует «речевая среда обитания (т. е. речевая действительность, непосредственно окружающая горожанина), а также то, как человек ее воспринимает и – для себя – организует» [6, с. 36]. Граффити, на наш взгляд, являются важным элементом «языковой среды» студента.

Несмотря на большую распространенность, граффити входят в область малоизученных явлений, которые мы можем вслед за Л.В. Щербой отнести к «отрицательному языковому материалу» [10]. Хотя, как показывает анализ публикаций, в последнее время ученые уделяют изучению подобного материала все больше внимания [1]. Не стоит «отворачиваться от подобных фактов, не закрывать на них глаза, не считать их «низкими» или недостойными внимания – все они, вплоть до самого пустякового слова-паразита, суть проявления человеческого духа» [6, с. 37].

Граффити – это «комплекс ритуалов, ценностей, устоев, норм, отвещающих господствующие стереотипы поведения, предлагающих альтернативный способ ориентации в современной действительности, побуждающий вести себя молодому человеку нонкомформистски, вызывающе для общества» [4, с. 390]. Граффити в словарях определяют как «посвятительные, магические и бытовые надписи на стенах зданий, металлических изделиях, сосудах и т. п. (от итал. graffiti, мн. число от graffito, букв. – нацарапанный)» [9, с. 235]. Иногда это явление называют эпиграфикой – «вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей древние и средневековые надписи на металлических, деревянных, костяных, керамических, стеклянных изделиях» [9, с. 235].

Объектом рассмотрения данной работы являются непосредственно современные надписи.

Отличительной особенностью этих текстов является тот факт, что подобные тексты создаются человеком, пишущим в неформальной ситуации, «для себя», чаще таясь от других (как в случае с надписями на партах в учебных аудиториях), но с надеждой на «признание», с явным намерением довести до других свои переживания и мысли, с уверенностью «кто-нибудь прочтет и допишет».

Граффити всегда эмоциональны, экспрессивны, их создание направлено на признание, на дальнейшую трансляцию, на вступление читающих в диалог с автором. Мы провели эксперимент, целью которого было проанализировать, какие черты граффити наиболее сущностны, что запоминается и закрепляется в памяти читающего граффити.

Группе студентов (100 человек) было предложено написать на листе бумаги то, что они когда-либо видели / читали на парте (стуле, заборе и т. д.) либо писали сами. Необходимо отметить, что данные тексты не являются граффити. Они скорее имитация, перенос граффити в другие условия.

Проанализировав работы ста информантов, мы получили 355 текстов общим объемом 2738 словоформ. При проведении данного эксперимента не было получено ни одного отказа. Более того, очень многие писали более чем один текст. Таким образом, один информант в среднем воспроизвел около 3,5 текста.

Поскольку основным видом деятельности молодых людей является учеба, именно с ней связано состояние повышенной эмоциональности студентов. Встречается очень много текстов, посвященных предметам, учителям, учебным заведениям.

Например: *Знание сила, а сила есть ума не надо. // здесь я боролся со сном и обедом // Уснувший на лекции – не восхрани, Ибо ты раз-*

будешь ближнего своего.// ФПР 04 – ГС FOREVER// 04 ГНГ – 1. I love you. (Во всех приведенных в работе примерах сохранена орфография и пунктуация. – Н.С.). В приведенных примерах присутствуют слова, написанные в алфавитном изображении другого языка, где «субъект обретает возможность наслаждаться самим фактом сосуществования различных языков, работающих бок о бок» [11, с. 463].

В данном случае мы имеем дело с «комбинированием языковых знаков» [8, с. 26] и использованием «макаронического стиля – насыщение текста иноязычными словами или подгонка слов родного языка «под иностранные»» [6, с. 96]. Так, например, стремление (и не безуспешное) выделиться побуждает авторов к комбинированию не только различных шрифтов в пределах одного текста, но и сочетанию букв разных языков в пределах одного слова. Надпись *psix* смотрелась бы не так оригинально, будь на месте русской «х» английская «h». Такое сочетание привлекает внимание, отдаленно напоминая головоломку, создает эффект «языковой игры». «Языковая игра – это использование языка в особых – эстетических, социальных и т. п. – целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [6, с. 6].

Процесс письменной речи характеризуется сознательной установкой на средства выражения и особым вниманием к речевому материалу. В данной работе пунктуация рассматривается как способ графической репрезентации граффити.

Б.С. Шварцкопф рассматривает пунктуацию как «феномен письменного языка, как специфическую часть графической системы современного русского языка» [5, с. 7]. Пунктуация организует текст графически, «создает порядок в этой массе слов: ее членят пробелы между словами и знаки препинания» [5, с. 7].

Пунктуация включает в себя «знаки пространственной и композиционной организации текста» [5, с. 9]: абзацный отступ, выступ, пробелы, шрифты, перечень, отбивки, линейки, звездочки и т. д., а также основной корпус знаков препинания. А.Б. Шапиро выделяет следующие двенадцать знаков препинания: знаки «конца» – точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие; знаки «середины» – запятая, точка с запятой, тире, двоеточие; парные знаки – двойная запятая, двойное тире, скобки, кавычки. [7].

Поскольку пунктуация не так строго нормирована, как правописание, автор пользуется большей свободой в выборе графических средств. Тексты обладают достаточно широким спектром графической

репрезентации. При анализе текстов мы основывались на классификации А.Б. Шапиро и использовали следующие критерии наличия знаков препинания: точка, запятая, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, тире, точка с запятой, двоеточие, скобки, кавычки.

Мы исключили вероятность употребления таких парных знаков, как двойная запятая и двойное тире, поскольку анализируемые тексты малы по объему (средний объем текста – 7,69), а особенностью употребления данных знаков является выделение обособлений, придаточных предложений, вводных и вставных конструкций, что характерно для текстов большего объема. Малым объемом текста объясняется также и небольшое количество употреблений скобок, кавычек и точек с запятой, поскольку тексты данной выборки обладают всеми признаками текстов-примитивов, для которых характерен небольшой объем и простая структура [12].

При работе с текстами данной выборки мы ввели такие дополнительные критерии обработки материала, как отсутствие точки и запятой, поскольку использование данных знаков определяется грамматической структурой текста и их отсутствие противоречит общепринятым правилам построения предложений и текстов.

Отсутствие точки оценивалось по следующим критериям: конец текста / предложения, наличие прописной буквы (если это не имя собственное). Отсутствие запятой – при перечислении, при отделении частей предложения.

Обработав данные с помощью программы Statistica, мы применили факторный анализ. Метод факторного анализа «позволяет выделить из общего множества переменных разные их подмножества, коррелирующие между собой и независимые от других элементов» [2, с. 69]. Было получено девять групп факторов. Две группы факторов не были приняты к рассмотрению, ввиду малого количества текстов, к ним отнесенных.

На основании оставшихся факторов было выделено 7 типов текстов.

1. Вероятность появления текстов первой группы составляет 257 на тысячу. Для этого типа текстов характерно правильное употребление и наличие всех необходимых знаков препинания, что характеризует пишущего как человека грамотно использующего пунктуационные знаки. Во всех предложениях / текстах этой группы присутствуют как знаки «конца» (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие), так и знаки «середины». В качестве фактора «грамотности» выступает положительная корреляция между объемом текста и наличием в нем запятых. Запятая как знак паузы является сильным

стилистическим средством. Часто используется как средство подчеркнутого членения предложения, выделения отдельных его частей, создания динамизма, вплоть до оформления «задыхающихся» ритмов.

Например: *Встану утром рано, вылью стакан ртути и пойду по... в этом институте.// Можно кидать деньги на ветер, если ветер дует в вашу сторону.// Не могу стоять, когда другие работают, пойду полежу.// Кто не был студентом, тому не понять, как хочется есть, когда хочется спать.*

2. При работе с текстами данной выборки мы ввели дополнительный критерий – отсутствие каких-либо знаков препинания в тексте вообще, что говорит об отрицательном отношении пишущего к пунктуации. Это может быть связано как с низким уровнем культуры человека, так и с особенностями жанра. Вероятность появления таких текстов составляет 190 на тысячу. Данные тексты характеризуются положительной корреляцией между объемом и отсутствием запятой.

Например: *Если хочешь стать солдатом/ Отругай декана матом// Девушка без образования ищет работу по специальности// Любишь возиться в навозе/ Будешь учиться в сельхозе//.*

3. Для третьей группы текстов выборки характерно наличие тире. Использование данного пунктуационного знака характеризует пишущего как человека логической направленности. Вероятность появления таких текстов составляет 198 на тысячу. Тире отмечает эмоциональные паузы. Этот знак обладает неограниченными возможностями нюансирования речи. Может использоваться как простая отметка паузы. Служит средством передачи обрывистой, запоминающейся речи. Подготавливает к сообщению чего-либо неожиданно. Ставится вместо пропущенных слов. Но в большинстве текстов данной выборки довольно частое использование тире обусловлено, скорее, умением студентов писать название своей группы, нежели знанием правил расстановки знаков препинания, т. е. тире, скорее используется как рамочный конструкт, например: *04 ГНГ – 1* или *05 – ГС*. (в оригинале точка отсутствует. – Н.С.).

Встречаются тексты, в которых нет ни одного знака препинания, кроме тире, например:

S – сонное

T – теоретически

U – умное

D – дитя

E – естественно

N – не желающее

T – трудиться

Факторный анализ показал, что использование тире не зависит от объема текста и употребления каких-либо других знаков препинания, например: *Виктория – люблю себя и свое имя. // Рыжова – дура! // 04 АД – когда дороги хорошие будут?*

4. Четвертая группа текстов оказалась самой многочисленной. Характерным признаком пишущего для этой группы является наличие точки. Точка ставится в конце законченного предложения, как полного, так и неполного. Стилистическая функция точки может быть различна. При описании единой картины или быстрой смены событий точка разбивает текст на короткие самостоятельные предложения и одновременно передает единство и динамичность целого. Факторный анализ выявил отсутствие значимой корреляции, хотя есть небольшая положительная зависимость между объемом текста, наличием точки и отсутствием запятых.

Например: *Встану рано выпью ртуту и пойду помру в любимом институте. // и солнце светит ярче / и веселей пейзаж / когда в желудок хлещет / С2Н5ОН. // Тихо джипами шуриша едит крыша не спеша. // В первом примере глаголы в личной форме не отделяются запятой, во втором – перечисления с «и», хотя точка поставлена пишущим и в том, и в другом случае.*

5. В пятую группу вошли тексты с восклицательным знаком. Причем в среднем один текст содержит примерно три восклицательных знака. Восклицательный знак завершает эмоционально насыщенные предложения. В некоторых текстах встречается такое нагромождение восклицательных знаков, что нарушаются все синтаксические каноны, язык уже не «говорит», а кричит и вызывает, например: *Девушки! Милые! Давайте знакомиться!!! // Хочу домой!!! // Хочу домой!!! и пива... // Не говори старшине, что земля круглая, а то равнять заставит!!! // Пейте пиво!!! Берегите Воду!!!* и т. п. В данном случае *Воду* написано с заглавной буквы, для того чтобы продемонстрировать значимость именно этого слова.

В данной группе выявлена значительная положительная корреляция между наличием точки и запятой и объемом текста, что характеризует эмоциональность и экспрессивность как фактор «грамотности» пишущего. В данной группе текстов также обнаруживается небольшая положительная корреляция между наличием кавычек и тире.

6. Эта группа незначительна. Факторный анализ показал тенденцию пишущего к постановке точек при отсутствии запятых (положительная корреляция). В эту группу вошли тексты, авторы которых предпочитают тексты объемом 5 и более словоформ и при этом не

пользуются общепринятыми правилами членения текста. Например: *Возлюбил препода своего ибо собака лучший друг человека.// и солнце светит ярче и веселей пейзаж когда в желудок хлещет C2H5OH.// Легче хвост найти у мышки чем сдавать зачет по вышке.*

Наличие отрицательной корреляции между наличием точки и ее отсутствием может служить подтверждением результатов исследования.

7. В седьмую группу вошли тексты, в которых употребляется многоточие. Многоточие указывает на эмоциональные паузы, отражает различные состояния говорящих: нерешительность, неуверенность, смущение, нервозность, неторопливость и т. д., например: *Здесь я боролся со сном и обедом... // Меня бросила моя девушка Маша. Ну и бог с ней. Я ее больше не люблю, хотя... // Жизнь г..., а потом смерть...*

Данная группа характеризует пишущего как человека обстоятельного, с определенной системой значимости. Многоточие – ближайший к точке знак. Этот тип пишущего помимо использования многоточия, ставит точки там, где это необходимо. Факторный анализ показал наличие положительной корреляции между объемом текста и наличием точки а также между наличием точки и употреблением многоточия.

На основе данных факторного анализа была построена графо-семантическая модель, с помощью которой «интерпретируются выявленные структуры семантических связей. ... Таким образом выявляется инвариант структуры семантической близости объектов, в основе которого лежат максимальные показатели проявленности того или иного фактора» [2, с. 56]. На рисунке 1 глубина связи показана толщиной линии. Таким образом, просматривается очевидная зависимость между объемом текста и наличием в нем запятой. С другой стороны, с объемом связано и отсутствие запятой, хотя и в меньшей степени.

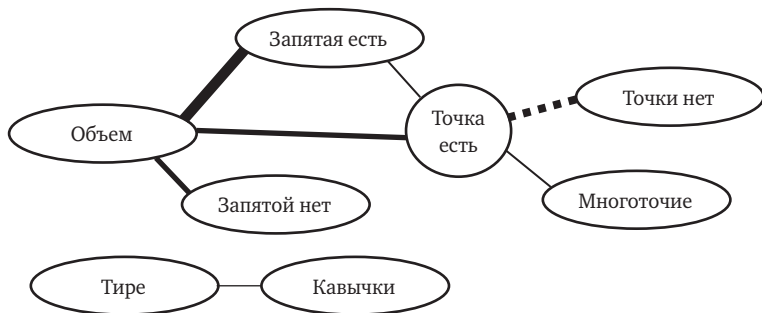

Рис. 1

Больше всего связей (4) обнаруживает точка (как основной пунктуационный знак членения текста). Отрицательная корреляция между наличием и отсутствием точки показана пунктиром. Связь тире – кавычки одиночна и не значительна. Эти две переменных связаны только между собой.

Таким образом, стилистическая выразительность различных знаков препинания неодинакова. Необходимо отметить информативную функцию знаков препинания, ведь в русском языке знак препинания в конце предложения играет очень важную роль. Так вопросительный, восклицательный знаки и точка, не только окрашивают высказывание эмоционально, но и выражают коммуникативные интенции говорящего: только их отсутствие или наличие может изменить все предложение. Для сравнения, в английском или немецком языках, существует определенный порядок слов, для того чтобы построить, например, вопросительное предложение. Безусловно, наличие знака вопроса обязательно, но цель высказывания предложения отражается и обратным порядком слов, чего нельзя сказать о русском языке. «Русский язык допускает большую свободу размещения, взаимного расположения слов, словосочетаний, целых высказываний и их структурно-семантических частей» [8, с. 26].

Граффити, несмотря на «экзотичность» их структуры с точки зрения нормоцентрической лингвистики, представляют собой вполне естественные результаты работы механизма порождения речи. Анализируемые тексты были созданы достаточно образованными людьми, в них реализуются все основные характеристики текста, но большинство противоречат многим правилам пунктуации и орфографии. Наблюдаемую тенденцию сильного отклонения от нормы можно объяснить скорее возрастными особенностями и установками на игровое поведение авторов текстов, чем элементарным незнанием правил русского языка.

Литература

1. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы конференции. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – 280 с.
2. Белоусов К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: Учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – М.: Флинта, 2005. – 136 с.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: уч. пос. М.: Центр, 1997. – 224 с.
4. Руднев В.Л. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2001. – 608 с.

5. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. – 192 с.
6. Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. – Мн.: Выш. шк., 1991. – 303 с.
7. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Наука, 1955. С. 87-89.
8. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
9. Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 953 с.
10. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24-39.
11. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
12. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. – С. 221 – 237.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» / Сост. Н.В. Любезнова. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2010.

2. Арутюнова Е.В. Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 5–16.

3. Бажеева О.О. Письма малограмотных авторов начала XXI века – источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 1-я // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2008. – № 6. – С. 227–245.

4. Бажеева О.О. Письма малограмотных авторов начала XXI века – источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 2-я // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2010. – № 9 (52). – С. 273–296.

5. Бажеева О.О. Типы пунктуационного оформления писем малограмотных авторов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2009. – № 6. – С. 68–80.

6. Басалаева Е.Г., Ружа О.А., Шпильман М.В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 59–69.

7. Брусницына Е.В. Нерегламентированная пунктуация в аспекте актуальных синтаксических процессов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 38–42.

8. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003.

9. Власов М.С. Русская пунктуация с позиций носителей языка: казнить нельзя помиловать?! // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания / Сборник научных статей. Отв. ред. У.М. Трофимова. – Бийск: Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, 2014. – С. 222–229.

10. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016.

11. Гашева Л.П., Хакимова Е.М. Кавычки в современных русскоязычных текстах массовой коммуникации: ортологический аспект // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1. – С. 205–212.
12. Губина Е.А. «Усечение» и «расширение» пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5-2 (59). – С. 74–76.
13. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии [Текст]: монография / О.В. Загоровская. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 232 с.
14. Захарова Е.О. Особенности пунктуационно-графического взаимодействия в рекламе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7 (172). – С. 130–137.
15. Захарова Е.О. Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 25–28.
16. Кузнецова Е.А. К вопросу о современных тенденциях в русской пунктуации (на примере вариативного использования тире и двоеточия в современном русском языке) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2016. – С. 320–324.
17. Мозговой В.И. Синтаксис речи и проблемы пунктуации // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 81–89.
18. Стренева Н.В. Пунктуация в граффити // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 11. – С. 117–121.
19. Широкова Е.Н. Новые тенденции в русской пунктуации (по данным массмедийного и художественного дискурсов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 10 (365). – С. 174–178.
20. Широкова Е.Н. Тенденции оформления чужой речи в массмедийном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2015. – Т. 14. – № 6. – С. 191–195.
21. Шощкая Л.И. К проблеме совершенствования орфографии и пунктуации русского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 3. – С. 99–101.

22. Шубина Н.Л. Русская пунктуация как объект нормализации // Университетский научный журнал. – 2014. – № 9. – С. 120–130.

23. Юдина Н.В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «Человек» и «Закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3 (67). – С. 227–233.

24. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? (монография) / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.

Интернет-ресурсы

1. Видеоканал «Глазарий языка» // <https://www.youtube.com/user/ruslang4school>

2. Друговейко-Должанская С.В. Знаки преткновения // <https://www.youtube.com/watch?v=A88hfNvsVN8>

3. Ким И. Апостроф // <https://www.youtube.com/watch?v=b1vL116ZQGY&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf>

4. Ким И. Слэш как знак препинания // https://www.youtube.com/watch?v=b7aCo6KC_do&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf&index=13

5. Кузнецова Н. Двоеточие не сдаёт позиции // https://www.youtube.com/watch?v=_xdT0hDxmUs&list=PLKz7OPui9exRSkJaIapcocfP8IwqC6TBf&index=12

6. Научная электронная библиотека «Киберленинка» // <https://cyberleninka.ru>

7. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU // <https://elibrary.ru/defaultx.asp>

8. Научно-образовательный проект ТАСС «Чердак» // <https://www.youtube.com/channel/UCbABbAruMvOiidG7lsxHLYg>

9. Официальное представительство проекта «ПостНаука» (<http://postnauka.ru/>) в YouTube // <https://www.youtube.com/user/postnauka/featured>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Часть I. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ПУНКТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	4
Часть II. ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ СТАТЬИ	13
<i>Н.В. Юдина.</i> Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «Человек» и «Закон»	13
<i>Е.Г. Басалаева, О.А. Ружа, М.В. Шпильман.</i> Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания	18
<i>Н.Л. Шубина.</i> Русская пунктуация как объект нормализации	26
<i>Е.В. Брусницына.</i> Нерегламентированная пунктуация в аспекте актуальных синтаксических процессов	38
<i>Е.А. Кузнецова.</i> К вопросу о современных тенденциях в русской пунктуации (на примере вариативного использования тире и двоеточия в современном русском языке)	46
<i>Е.Н. Широкова.</i> Новые тенденции в русской пунктуации (по данным массмедийного и художественного дискурсов)	51
<i>Е.Н. Широкова.</i> Тенденции оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе	57
<i>М.С. Власов.</i> Русская пунктуация с позиций носителей языка: казнить нельзя помиловать?!	64
<i>Е.О. Захарова.</i> Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста	73
<i>Л.П. Гашева, Е.М. Хакимова.</i> Кавычки в современных русскоязычных текстах массовой коммуникации: ортологический аспект	82
<i>Н.В. Стренева.</i> Пунктуация в граффити	88
ЛИТЕРАТУРА	97